

T.C
FATİH ÜNİVERSİTESİ
SOSYAL BİLİMLER ENSTİTÜSÜ
RUS DİLİ VE EDEBİYATI ANABİLİM DALI
YÜKSEK LİSANS TEZİ

ОРИЕНТАЛИЗМ:РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА И ТУРЦИЯ

İRINA FEDOSEEVA KUZUCUOĞLU

Haziran 2011

ONAYLAMA SAYFASI

Enstitüsü :Sosyal Bilimler
Anabilim Dalı :Rus Dili ve Edebiyatı
Tez Konusu :Oryantalizm: XIX Yüzyılın İlk Yarısında Rus Sosyal
Düşüncesi ve Türkiye
Tez Danışmanı :Doç. Dr. Khasan KASUMOV
Tez Tarihi :Haziran 2011

Bu tezin şekil ve içerik açısından Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tez Yazım Kılavuzunda belirtilen kurallara uygun formatta yazıldığını onaylıyorum.

Yrd. Doç. Dr. Kerami ÜNAL
Anabilim Dalı Başkanı

Rus Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı 51170906 numaralı öğrencisi Irina Fedoseeva KUZUCUOĞLU tarafından hazırlanan bu tezin Yüksek Lisans Tezinde bulunması gereken yeterliliğe, kapsama ve niteliğe sahip olduğunu onaylıyorum.

Doç. Dr. Khasan KASUMOV
Tez Danışmanı

Tez Sınavı Jüri Üyeleri

Doç. Dr. Khasan KASUMOV

Doç. Dr. Marina KASUMOVA

Yrd. Doç. Dr. Damira IBRAGIM

Bu tezin Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tez Yazım Kılavuzunda belirtilen kurallara uygun formatta yazıldığını onaylıyorum.

Doç. Dr. Mehmet KARAKUYU
Müdür

ÖNSÖZ

Tez çalışmalarım boyunca büyük özveriyle gösterdiği her türlü destek ve yardımdan dolayı çok değerli hocam Doç.Dr.Khasan KASUMOV'a en içten dileklerle teşekkür ederim.

Bu çalışma boyunca yardımlarını esirgemeyen Fatih Üniversitesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümünün değerli Öğretim Üyelerine ve çalışmalarımı destekleyen eşim Alpaslan Hamdi KUZUCUOĞLU'na teşekkür ederim.

Haziran, 2011

Irina Fedoseeva KUZUCUOĞLU

Enstitüsü : **Sosyal Bilimler**
Anabilim Dalı : **Rus Dili ve Edebiyatı**
Tez Danışmanı : **Doç. Dr. Khasan KASUMOV**
Tez Tarihi : **Haziran 2011**

KISA ÖZET

Irina Fedoseeva KUZUCUOĞLU

Tez çalışmasının teması: "Oryantalizm: 19. yüzyılın ilk yarısındaki Rusya Sosyal Düşüncesi ve Türkiye" konusunu içermektedir. Bu dönem 18. yüzyıl geç ve 19. yüzyılın erken dönemlerini kapsamaktadır.

Çalışmanın ilk bölümünde oryantalizmin esasları açıklanmış doğu toplumlarının sosyo-politik ve ekonomik yapıları, kültürel kimlikleri Rus toplumunun bakış açısıyla anlatılmıştır.

Tezde, belirtilen zaman aralığında Rus yazarlar tarafından yapılan doğa, coğrafya, nüfus, tarih, kültür ve siyasal sistem konularında açıklamaları ile Osmanlı İmparatorluğu'nun o gün yaşadığı sorunlara odaklanılmıştır. Rus oryantalist söylemin gelişimi ve geliştirilen dış ekonomik ilişkiler de vurgulanmıştır.

Anahtar Kelimeler

Oryantalizm, 19. yüzyılda Rusya sosyal düşüncesi

University : **Fatih University**
Institute : **Institute of Social Sciences**
Department : **Russian Language and Literature**
Supervisor : **Assoc. Prof. Khasan KASUMOV**
Degree Awarded and Date : **June 2011**

ABSTRACT

Irina Fedoseeva KUZUCUOGLU

Theme of dissertation work: “Orientalism: Russian Social Thought of the First Half of 19th century and Turkey” involves social thought of Russia in the 19th century. This term consists of early 18th century and late 19th century.

The first part of the study, principles of Orientalism are explained and socio-political and economic structures, cultural identities of the east communities are emphasized point of view by Russian society.

In the thesis, focused on the nature, geography, population, history, culture and political system and problems of the Ottoman Empire, with descriptions by the Russian authors at the specified period. of the issues experienced on that day. It is emphasized that development of Russian orientalist discourse and foreign economic relations.

Key words:

Orientalism, Social Thought of Russia in the 19th century.

СОДЕРЖАНИЕ

ÖNSÖZ	i
KISA ÖZET	ii
ABSTRACT	iii
СОДЕРЖАНИЕ.....	iv
ВВЕДЕНИЕ	1
ГЛАВА 1. Теоретические основы исследования дискурса «ориентализма»	12
ГЛАВА 2. Основные источники информации в России о Востоке в начале XIX в.	20
ГЛАВА 3. «Азиатская роскошь» как форма репрезентации восточных обществ	35
ГЛАВА 4. Представления россиян о «восточном красноречии» и «восточной мудрости»	42
ГЛАВА 5. Государственное устройство и институт частной собственности восточных деспотий как научная и практическая проблема российского «ориентализма».....	46
ГЛАВА 6. Проблема феодальных отношений и восточные общества	56
ГЛАВА 7. Историко-философские основы ориенталистского дискурса во взаимоотношениях России и Азии	63
ГЛАВА 8. Российская внешнеполитическая концепция и Восток: истоки и основные направления.....	71
Заключение	77
Библиография	79

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования Восемнадцатый век стал поистине поворотным в процессе расширения европейских знаний о мире. Вслед за периодом накопления фактов настал черед их систематизации. Этот новый этап в развитии знаний совпал с новым этапом во взаимоотношениях Европы с неевропейскими мирами – активной колониальной экспансией и обширных территориальных приобретений. Многие ученые, медики, географы и путешественники своими открытиями и гипотезами помогали экспансии и доминированию Европы, при этом они видели себя носителями «истинного знания», несущими «бремя ответственности за улучшение экзотических земель и народов». Все это накладывало неизгладимый отпечаток на понимание и изучение характера, особенностей и последствий взаимодействия восточных и западных обществ и культур. В последние два десятилетия изучение в историографии феноменов колониализма нового времени и в целом взаимодействия Востока и Запада вышло на качественно новый уровень, который невозможно представить без интенсивных и острых дебатов по проблемам ориентализма, империализма, национализма, модернизации и в последнее время глобализации, развернувшихся на базе постмодернистского вызова традиционной эпистемологии, доминировавшей в европейской интеллектуальной мысли с эпохи Просвещения. В результате возникла так называемая «теория колониального дискурса», деконструкции подвергались прежние гегемонистические представления Запада о Востоке и других неевропейских обществах. Теория «колониального дискурса» в целом делает акцент на неизбежную относительность всего знания, обусловленного совокупностью лингвистических форм, культурными представлениями и властными позициями тех, кто создает его. С этих позиций обращение к прошлому не ставит цель «установить научные истины», а ориентируется на выявление особых условий, при которых различные типы знаний о «другом» создавались и приобретали силу [The New Cultural History, 1989]. Поэтому можно говорить о смене парадигмы в изучении колониализма, взаимоотношений Востока и Запада, смещении фокуса исследований с социально-экономической и политической к культурной истории [См.: Hopkins A. G. p. 199].

Цель работы. В диссертации ставится цель исследовать основные формы проявления российского ориенталистского дискурса в том виде, как он рассматривается в современных постколониальных исследованиях, применительно к Востоку\Азии в целом и к Османской империи, в частности, а также, проследить эволюцию взглядов россиян на указанные объекты на протяжении периода конца XVIII – первой половины XIX вв.

При этом предполагается решить следующие исследовательские **задачи**:

- проанализировать основные теоретические основы постколониальных исследований и изучения дискурса «ориентализма»;
- рассмотреть истоки формирования представлений о Востоке и об Османской империи в среде представителей российской политической элиты;
- определить пути и способы формирования общественного мнения о Востоке посредством прессы и других каналов информации;
- показать различные формы и виды репрезентаций Востока/Османской империи в виде представлений об «азиатской роскоши», «восточном красноречии» и «восточной мудрости»;
- дать обзор историко-философских концепций оппозиции Восток-Запад в русской общественной мысли указанного периода;
- проследить формирование российской внешнеполитической концепции по отношению к Османской империи и к Востоку в целом.

Хронологические рамки исследования включают в себя конец XVIII века и первую половину XIX века. Это обусловлено сложными процессами становления и развития как самой структуры российской власти, так и институционализацией новых научных дискурсов и дисциплин, направленных на изучение Востока, что было вызвано практически-политическими и военными задачами Российской империи.

Историография проблемы. Исследования процесса формирования и институционализации российских дискурсов и практик относительно Востока

и Османской Турции в период заявленный в исследовании имеют давнюю историографическую традицию и обширную источниковую базу.

Еще в XIX в. предпринимались попытки осмыслить представления российского общества о Востоке. К числу первых трудов подобного рода относится критическая статья В.В.Григорьева, посвященная книге П.И.Небольсина «Очерки торговли России с странами Средней Азии...», вышедшей в свет в 1856 г. Чтобы объяснить причину возникновения подобных представлений, автор сделал обзор отечественной литературы о Средней Азии, начиная с газетных публикаций и заканчивая записками россиян, побывавших на Востоке. Таким образом, с самого начала была заложена комплексность подхода к проблеме восприятия Востока российским обществом(см. [Григорьев, 1856, с. 111-113]).

Этапной работой стали лекции В.В.Бартольда на тему «История изучения Востока в Европе и в России», впервые изданные в 1911 г. Автор выделил два основных направления в развитии отечественного востоковедения: практическое (путешествия на Восток) и академическое. Известно его высказывание: «В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе. В это время совершенно изменились условия научной работы. В Академии наук уже с первых лет XIX в. гуманитарным наукам, в том числе востоковедению, было отведено более значительное место, чем прежде...» [Бартольд, 1911, с. 203]. Именно Бартольд был одним из тех, кто сделал первые шаги к изучению стереотипов в европейском общественном сознании, связанных с Востоком. Речь идет о его статье «Азиатская роскошь», в которой прослежен генезис этого понятия во времена античности.

И.Ю.Крачковский в «Очерках по истории русской арабистики» упомянул об огромном интересе российского общества дореформенного периода к востоковедению (см. [Крачковский, 1950, с. 85]), а также о том, что «как в Москве, так и в Петербурге 20—40-х годов молодые ориенталисты

оказываются вовлеченными в круг литературных интересов эпохи» [там же, с. 109].

Развитию востоковедения посвящена статья Н.И.Конрада «Старое востоковедение и его новые задачи». Он продолжил традицию, заложенную Бартольдом, прослеживая два основных направления востоковедной деятельности: практическое востоковедение, сложившееся как ответ на нужды европейских государств, связанные с колониальной экспансией на Востоке, и , научное востоковедение, которое «родилось как филология, и притом филология в своем исконном... смысле: как наука о письменных источниках» [Конрад, 1966, с. 7].

В качестве наиболее значительных трудов 1970-х годов следует назвать работы Б.М.Данцига и Н.А.Халфина. Данциг в своей книге «Ближний Восток в русской науке и литературе» анализирует сведения, сообщенные россиянами, посетившими Восток. Автор не только приводит маршруты путешествий, но и привлекает внимание читателя к красочным описаниям наиболее ярких деталей восточной жизни. Об особенностях отечественного востоковедения первой половины XIX столетия он делает следующие выводы: «Старое, дореволюционное русское востоковедение, особенно его академическое направление, было далеким от изучения политической жизни современного ему Востока, его экономики и даже новейшей истории... Вопросы текущей жизни, современной политики... и отчасти экономики освещались, главным образом в работах офицеров Генерального штаба, членов Географического общества... Большой интерес к современному Востоку всегда проявляла и русская публицистика» [Данциг, 1973, с. 384]. Автор, обосновал необходимость изучения «ориентализма» XIX в, как особой «отрасли культурно-исторических знаний»(см. [там же, с. 163, 127]).

В работе Халфина анализируются экономические аспекты проникновения России на Восток, в частности неоднократно затрагивается вопрос об отношении петербургской политической элиты к проблеме российско-азиатской торговли (см. [Халфин, 1974, с 94-95, 136-138, 1 161—166 др.]).

В коллективной монографии «Восточный вопрос во внешней политике России» детально прослеживается развитие политических отношений России и Османской империи. Объяснение мотивировок действий русского правительства на Востоке (речь идет о «стремлении царизма к новым завоеваниям, связанным с удовлетворением интересов господствующего класса дворянства» [Восточный вопрос, 1978, с. 65]), по сути, не сильно отличается от британской консервативной историографической традиции.

Вопрос о теоретическом осмыслении восточных обществ в дореформенной России современными исследователями ставился, как правило, применительно к отдельным авторам (см., например, статью о Грановском [Саран, 1993]) или идейным течениям. Так, В.Н.Никифоров пытался воссоздать теоретические представления о восточных обществах через призму воззрений славянофилов, в частности И.В.Киреевского, на проблему общины и частной собственности в России (см. [Никифоров, 1975, с. 104—106]).

В.И.Овсянников, изучая воззрения издателей и авторов публикаций «Современника» и «Отечественных Записок» на проблему государственной власти в странах Востока, пришел к выводу, что Восток в основном воспринимается как своеобразное отражение России (см. [Овсянников, 1990, с. 12, 29]).

В коллективной монографии «История отечественного востоковедения до середины XIX века» не только дан подробный обзор деятельности основных востоковедных научных центров, но также охарактеризованы взгляды на Восток представителей демократического направления в русской литературе и публицистике, в том числе декабристов и близких к ним по мировоззрению людей. Вывод, содержащийся в Заключение этой работы, отражает мнение Б.М.Данцига и Н.И.Конрада относительно особенностей отечественного востоковедения дореформенной эпохи: с одной стороны, «востоковед этого времени обычно был и политологом, и историком, и лингвистом, и литературоведом», с другой — «главным содержанием востоковедных исследований было выявление, перевод и комментарий древнего или средневекового источ-

ника... Актуальными и политическими вопросами восточных стран ориенталисты, как правило, не занимались» [ИОВ, с. 371].

Интерес к отечественным представлениям о Востоке филологи и литературоведы проявляли, как правило, в связи с исследованием творчества А.С.Пушкина, А.С.Грибоедова и их современников.

В 1935 г. появилась статья Н.Свирина «Пушкин и Восток». Анализируя содержание «Бахчисарайского фонтана», автор приходит к выводу, что «антитеза... креста и полумесяца, Востока и Запада, дикой татарской орды и цивилизованной Европы отражала реальные общественные противоречия той эпохи, и прежде всего многовековую борьбу русского государства с мусульманским Востоком. Эта старая, исконная борьба, отнюдь не закончившаяся и в XIX веке, проложила глубокие борозды в мировоззрении и психологии русского дворянства» [Свирин, 1935, с. 222]. Особенности мировоззрения и психологии русского дворянства в этой статье подробно не рассматриваются, но многие тезисы автора получили дальнейшее развитие в исследованиях отечественных литературоведов, например Д.И.Белкина, который в своих работах оперирует понятием «мир Востока». В частности, он пишет: «В первой четверти XIX в. мир Востока предстал перед дворянскими революционерами как комплекс внутригосударственных и внешнеполитических, экономических и географических, религиозных и национальных факторов, тесно между собой переплетенных» [Белкин, 1990, с. 354].

Литературоведы, чьи работы посвящены теме «Пушкин и Восток», рассматривают источники информации поэта о Востоке, некоторые особенности эстетического восприятия Востока его современниками, а также подчеркивают возрастание интереса к Азии в российском обществе в первые десятилетия XIX в. (см., например [Белкин, 1991; Ениколопов, 1975, с. 11—12; Алексеев, 1979, с. 61—68; Лобикова, 1974, с. 6]). Вместе с тем некоторые авторы в первую очередь отмечают различия в представлениях о Востоке Пушкина и его современников-литераторов (см., например [Тартаковская, 1991, с. 134]).

Диссертационные исследования А.Д.Гаджиева и Ф.Р.Мурадовой [Мурадова, 1990] посвящены «ориентальному» направлению в русской литературе. Для данного исследования важен следующий вывод Гаджиева: «...необходимо изучение творчества ведущих писателей на фоне массовой литературы их времени и в связи с нею» [Гаджиев, 1973, с. 49]. Большое значение имела работа Н.Я.Эйдельмана «Быть может за хребтом Кавказа» и предисловие к ней М.С.Лазарева (см. [Эйдельман, 1990]).

Важное значение для понимания культурных ценностей изучаемой эпохи имеют работы Ю.М.Лотмана (см. [Лотман, 1994 и 1995]), ряд выводов которого сориентировал автора при работе над данной книгой. Вопрос о трактовке восточных обществ в отечественных экономических исследованиях XIX в. практически не затрагивался. В фундаментальной «Истории русской экономической мысли» есть лишь отдельные упоминания об отзывах российских экономистов относительно восточных обществ (см. [История рус. экон. мысли, 1958, с. 86, 318-319]). Немногим лучше обстоит дело и с изучением суждений о Востоке в отечественной философской традиции дореформенного периода. Внимание исследователей привлекали, как правило, либо отдельные направления (в частности, славянофильство), либо яркие имена, такие, как, например, П.Я.Чаадаев (см. [Рашковский, Хорос, 1988]). Что касается других, не столь громких имен, то существуют лишь редкие упоминания о них в разных работах. Для последних лет характерна тенденция к созданию обобщающих работ, в которых исследуется российско-азиатское взаимодействие в самых широких хронологических рамках. Наиболее удачной в этом плане представляется книга Р.Г.Ланды «Ислам в истории России», одна из глав которой посвящена восприятию ислама в России XIX в. и политике русского правительства в отношении подданных-мусульман (см. [Ланда, 1995, с. 105—140]).

Тема «Россия и Азия» разрабатывалась также зарубежными исследователями. Несмотря на то что в XIX в. существовала традиция, когда работы отечественных авторов о Востоке выходили в свет на французском и немецком языках, политика России в Азии подробно анализировалась в основном в английской историографии. Изучение отношения России к Востоку

стимулировалось в Англии прежде всего политической актуальностью этой темы: в XIX столетии многие азиатские территории, прежде всего, владения Османской империи, стали ареной соперничества за политическое и экономическое влияние между Россией и Великобританией. Характерной чертой британской историографии XIX в., в частности работ Г.Раулинсона и А.Краузе, являлась их публицистическая направленность против российской официальной идеологии: политика России на Востоке рассматривалась прежде всего с точки зрения ее потенциальной угрозы для английских владений в Индии. Оба автора пользовались немногочисленными, опубликованными к тому времени на европейских языках российскими документами, освещавшими вопросы внешней политики. Раулинсон и Краузе писали об «агрессивном милитаризме», доминирующем во внешней политике России, об ее извечном стремлении к захвату обширных территорий в Азии. Они проецировали политическую ситуацию последних десятилетий XIX в. на всю историю отношений России и Востока. Надо сказать, что Краузе отмечал понимание русскими особенностей восточной психологии, а также то, что Россия привносит на покоренные территории «получивилизованную систему управления вместо варварской» и утверждает там «принцип безопасности жизни и неприкосновенности собственности».

Вопрос о продвижении России на Восток неоднократно затрагивался в работах и переписке К.Маркса и Ф.Энгельса. Так, в письме к Марксу от 23 мая 1851г. Энгельс, весьма нелестно отзываясь об имперской политике русского правительства, тем не менее признает, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку» [Энгельс, т. 27, с. 241]. Вместе с тем многие их рассуждения о российской внешней политике находились в русле британской публицистической традиции. Например, в работе 1890 г. «Внешняя политика русского царизма» Энгельс повторяет привычный для английской прессы тезис об извечном стремлении России к достижению «мирового господства» [Энгельс, т. 22, с. 22], в частности, за счет захвата территорий в Азии (см. [там же, с. 28]).

В целом эти тенденции в оценке внешней политики России продолжали сохраняться в британской научной литературе и в первые десятилетия XX в.

Однако в 20—30-е годы в англо-американской историографии формируется более взвешенный подход к проблеме российско-азиатского взаимодействия. Хотя внимание авторов выходивших в это время работ было приковано в основном к политическим событиям, тем не менее многие исследователи начали задумываться над мотивировкой российских властей при принятии тех или иных внешнеполитических решений. Этапной стала работа В.-Дж.Перье «Англия, Россия и проблема Проливов. 1844—1856». Опираясь на русскими источниками, прежде всего публикациями Ф.Ф.Мартенса, автор подвергает резкой критике стереотипы, устоявшиеся к тому времени в англоамериканской историографии. Перье приходит к выводу об отсутствии у русского правительства во времена правления Александра I и Николая I стремления к территориальным захватам на Востоке. Более того, по его мнению, Россия пыталась выработать единые принципы европейской политики в отношении Османской империи, а также разрешать возникавшие политические конфликты мирными средствами (см. [Puryear, 1931, с. 7—11, 27]). Данную концепцию автор воспроизвел и позднее, в своей книге «Международная экономика и дипломатия на Ближнем Востоке. Исследование британской торговой политики в Леванте. 1834—1853» (см. [Puryear, 1935, с. 5]).

Своеобразная апология внешней политики России содержится в книге представителя русского зарубежья А.Лобанова-Ростовского «Россия в Азии», изданной в США. Политику России в отношении Османской империи Лобанов-Ростовский объяснял «византийской традицией», характерной для российской общественной мысли. Кроме того, он отмечал понимание «азиатской психологии» российскими политиками и полководцами, в частности А.П. Ермоловым [Lobanov-Rostovsky, 1933, с. 113,119,107].

Эти два направления в трактовке российской внешней политики, которые условно можно назвать апологетическим и критическим, сохранялись в англо-американской историографии и в более поздний период. С одной стороны, выходят такие работы, как «Век в истории русской внешней политики. 1814—1914» американской исследовательницы Б.Джелавич, стремившейся проанализировать мотивы российского правительства при принятии внешнеполитических решений, а также отношение российского общества к Востоку.

Вместе с тем начиная с 60-х годов формируется более глубокий подход к проблеме российско-азиатского взаимодействия. Авторы пытались не только проследить ход политических событий и прокомментировать их, но и изучить российскую общественную мысль. Гримстед в работе «Министры иностранных дел при Александре I» описывает «дипломатический контекст» внешней политики России, характеризует мировоззрение российской политической элиты в изучаемый период.

С точки зрения Д.Гилларда, автора работы «Борьба за Азию: 1828—1914», российско-английское соперничество в XIX в. носило глобальный характер и затрагивало все евразийское пространство (см. [Gillard. 1977, с. 2—3]). Автор пишет о необходимости изучения воззрений широкого круга лиц, в той или иной степени причастных к внешней политике, в том числе дипломатов и журналистов: «Понимание истории международных связей подразумевает понимание их поведения» [там же, с. 4]. Представляется, что в целом выводы исследователя в отношении российских воззрений на Азию довольно взвешенны, но не слишком подробны и глубоки. В частности, он отмечает стабильность политики Николая I в Азиатском регионе. Говоря о тенденции России к расширению азиатских владений, он отрицает наличие у российского правительства каких-либо агрессивных замыслов по отношению к Индии (см. [там же, с. 64]).

Представитель русского зарубежья Н.В.Рязановский в 1972 г. написал краткий очерк суждений о Востоке отечественных «интеллектуалов», начиная со времен Киевской Руси и заканчивая XX столетием (см. [Рязановский, 1997]). Весьма интересна работа, Э.Саида «Ориентализм», изданная в 1978 г. Исследователь трактует «ориентализм» как академическую традицию, которая в XIX столетии оказывала влияние на европейские институты государственной власти, литературу, прессу и другие сферы культуры, а также на массовые представления о Востоке (см. [Said, 1978, с. 3, 203]). Такое понимание «ориентализма» во многом созвучно взглядам Крачковского, Конрада и Данцига. Характеризуя «ориентализм» как стиль мышления, свойственный не только европейцам, но и россиянам (см. [там же, с. 1]), Э. Саид говорит о комплексе представлений относительно восточного деспотизма, восточной роскоши,

общественного застоя (см. [там же, с. 4, 203]). Автор не дает сколько-нибудь подробной характеристики этих стереотипов, равно как и русского «ориентализма», сосредоточив свое внимание на западноевропейской культурной традиции.

Таким образом, в данной работе предпринята попытка представить те аспекты российской общественной мысли XIX в. по отношению к Востоку в целом и, Османской империи, в частности, которые затрагивали проблемы восприятия Востока/Турции в России.

ГЛАВА 1. Теоретические основы исследования дискурса «ориентализма»

Эдвард Саид в своей ставшей классической книге «Ориентализм» положил начало направлению метадискурсивного анализа, изучив, как западная, главным образом британская и французская, мысль конструировала понятие «Восток». Термином «ориентализм» он обозначил западные дискурсивные практики создания обобщенного образа восточного человека и восточного общества как антитезы европейского общества и человека, как идеологического и психологического обоснования колониализма, отношений господства и подчинения [Said Ed.W.1978].

Изобретение Востока, неразрывно связано с (само)изобретением России. Восток Э. Саида выступает в качестве конституирующего «иного» в процессе формирования собственного образа цивилизованной России. Сама оппозиция «цивилизация – варварство» формулируется в рамках этого дискурса. Именно в XVIII – начале XIX века ось воображаемой географии Европы была переориентирована с оппозиции Юг – Север, где роль отсталого и дикого была закреплена за «Севером», на оппозицию Запад – Восток. Ориенталистские или полу-ориенталистские мотивы в описаниях варварства и дикости нередко встречаются у многих путешественников из европейских стран и России при описании Востока вообще и, в частности, Османской Турции. При этом невозможно строго верифицировать анализируемые описания. Мы знаем, что они тенденциозны, знаем, что оптика наблюдателей во многом предопределена господствующими дискурсами, но степень и характер тенденциозности, как правило, остаются невыясненными. Ведь в самом утверждении, что Османская империя была, по сравнению с Россией, более бедной, отсталой, если угодно – «дикой», никакой тенденциозности еще нет. Насколько соответствуют действительности те иллюстрации и объяснения природы отсталости, которыми пользуются авторы описаний и путевых заметок? Сколько в каждом конкретном случае искреннего заблуждения, сколько сознательного изобретательства, сколько умолчания?

С этой академической традицией, чьи судьбы, перемещения, специализации и преобразования являются отчасти предметом настоящего исследования, связано и более общее определение ориентализма. Ориентализм – это стиль мышления, основывающийся на онтологическом и эпистемологическом различии между Востоком и (почти всегда) Западом. Так, очень большое число писателей, среди которых поэты, романисты, философы, политические теоретики, экономисты и деятели имперской администрации, принимали базовое различие между Россией и Азией в качестве отправной точки для разработки своих теорий, поэм, романов, социальных зарисовок и политических отчетов, касавшихся «Востока», его населения, обычаев, «духа», судьбы и так далее.

Взаимообмен между академическим и более или менее имагинативным течениями «востоковедения» постоянен, и с конца XVIII века между ними было значительное, вполне упорядоченное, возможно, даже регулируемое, движение. Далее можно говорить о третьем значении «востоковедения», которое является чем-то более определенным исторически и материально. Начиная приблизительно с конца века XVIII «востоковедения» воспринимается как корпоративный институт, призванный к тому, чтобы обходиться с Востоком, обходиться, делая некоторые утверждения относительно него, санкционируя взгляды на него, описывая его, изучая и колонизируя его, правя им. Таким образом, «востоковедения» выступает как стиль доминирования, реструктурирования и властвования над Востоком. Для определения «востоковедения» вполне возможно применить понятие дискурса, как оно описано М. Фуко в «Археологии знания» и «Надзирать и наказывать». Дискурс понимается Э. Саидом вслед за М. Фуко как собрание утверждений (часто, но не всегда, содержание текстов), объединенных вместе обозначением общего объекта анализа, особыми путями артикуляции знания об этом объекте и определенными связями, особенно регулярностью, порядком и систематичностью.

Не рассмотрев «ориентализм» как дискурс, невозможно понять дисциплины, посредством которых Россия соотносилась с Востоком и конструировала его политически, военно, культурно, научно, образно и

эстетически в период, последовавший за Просвещением и до середины XIX века. Практически никто пишущий, размышляющий или действующий в отношении Востока не мог не принимать во внимание ограничения, накладываемые на мысль и на действие «ориентализмом». Дело не только в том, что «ориентализм» в одностороннем порядке определяло, что может быть связано с Востоком/Азией, но в том, что это целая сеть интересов, неизбежно приносимых в любую ситуацию, когда речь идет о специфической сущности - «Восток». Противопоставляя себя «Востоку» как субституту «Я», российское общество и культура выигрывали в силе и индивидуальности.

Если начать с предположения, что Восток не является инертным фактом природы, не просто находится там, точно так же, как и Россия, поэтому так же, как и сама Россия, Восток – это идея, которая имеет историю и традиции размышлений, систему образов и словарь, обеспечивающие ее реальность и присутствие в России и для России. Таким образом, эти две политико-географические сущности поддерживают и до некоторой степени отражают одна другую.

Сказав это, необходимо пойти дальше и установить некоторое количество разумных ограничений. Прежде всего, было бы неверным считать, что Восток по существу некая идея или создание, не имеющее соответствия а реальности. Были – и есть – культуры и народы, располагающиеся на Востоке, и их жизнь, история и обычаи обладают, грубой реальностью, очевидно превосходящей все, что может быть сказано о них в России.

Второе ограничение состоит в том, что идеи, культуры и истории невозможно серьезно понимать или изучать, не изучая заодно их силу или, точнее, конфигурацию сил. Полагать, что «Восток» был создан и верить, что подобные вещи происходят просто из потребности воображения, значило бы быть неискренним. Отношения между Россией и Востоком (в нашем случае – Османской империей) – это отношения власти, господства, различных степеней сложной гегемонии и «гибридизации». Не следует полагать, что структура концепта «Восток» есть не более чем структура лжи, мифов и иллюзий, которые рассеялись бы от слов правды. Однако следует понять в абсолютно

неделимой силе «востоковедческого» дискурса – весьма тесные связи с поддерживающими его социоэкономическими и политическими институтами и практиками. Поэтому «востоковедение» - не иллюзия россиян о Востоке, но порожденный объективированный и инкорпорированный корпус теорий и практик, в который многими поколениями был сделан значительный материальный вклад. Непрерывные инвестиции сделали «востоковедение» как систему знаний о Востоке общепризнанной сеткой для инфильтрации «Востока» в российское сознание, и этот же вклад усилил – на самом деле сделал по-настоящему продуктивными – положения, проникавшие из «востоковедения» в культуру вообще.

Именно результат работы культурной гегемонии давал репрезентациям «Востока» прочность и силу, никогда не отклоняясь от коллективного представления, определяющего «нас – европейцев, русских в противоположность всем «тем» неевропейцам. И идея «Востока» постоянно основывала свою стратегию на этом гибком позиционном преимуществе, которое предоставляет российскому человеку целый ряд возможных отношений с Востоком без потери относительного превосходства. Под общим руководством комплекса знаний об Азии где-то с конца XVIII века образовался сложный «Восток», пригодный для научного, военного исследования, для показа в музее, для того, чтобы служить теоретической иллюстрацией в антропологических, биологических, лингвистических, религиозных и исторических взглядах. В дополнение к этому, имагинативное исследование всего кавказского основывалось исключительно на господствующем сознании, из чьей неоспоримой центральности появился «Восток», сначала согласно общим идеям о том, кто или что такое «восточный человек», «азиатец», затем - согласно подобной логике, руководствующейся не просто эмпирической реальностью, но целой совокупностью стремлений, репрессий, инвестиций и проекций.

Российский, вскоре и европейский интерес к Востоку носил политический характер, но именно культура породила этот интерес, который активно работал наряду с грубыми политическими, экономическими и военными расчетами. Поэтому «востоковедение» не является ни просто

политическим образованием или сферой, которая пассивно отражается в культуре, науке, институтах; ни кладбищем текстов о Востоке, ни представителем и выразителем какого-то «русского» заговора, направленного на то, чтобы держать в подчинении «азиатский» мир. Это, скорее, распространение политического сознания на эстетические, научные, экономические, этнографические, исторические и филологические тексты. Это разработка не только географической оппозиции (Россия – Азия, например), но также целого ряда «интересов», которые такими средствами, как научные открытия, филологические реконструкции, ландшафтные и этнографические описания, не только порождали, но и поддерживали, выражали некоторую волю или намерение понять, управлять, манипулировать, включать то, что являлось другим (или альтернативным) миром. Дискурс о «Востоке» никоим образом не находился в прямых отношениях с обычной политической властью, но производился и существовал в неравном обмене с различными видами власти – политической, интеллектуальной (например, с господствующими науками), культурной (например, с суждениями и канонами вкуса, стиля, текстов, ценностей), моральной (например, с представлениями о том, что «мы» делаем такого, что «они» не могут знать или понимать, как «мы»). Дискурс о «Востоке» являлся важным измерением интеллектуально-политической культуры Российской империи XIX века.

В Париже XVIII в. Вольтер видел Европу совсем другими глазами, чем Макиавелли во Флоренции XVI в. Именно Вольтер возглавил философов Просвещения, старавшихся найти и сформулировать новую концепцию континента, простиравшегося для них не с юга на север, а с запада на восток. При этом они сконструировали новый образ Европы. Подобно тому, как в век Просвещения новые центры пришли на смену старым столицам эпохи Ренессанса, край варварства и отсталости находился теперь не на севере, а на востоке. Путешествия из Европы и России в Азию были неотъемлемой частью этого процесса. О Востоке знали слишком мало, и каждый путешественник считал себя вправе дополнять, исправлять и пояснять воображаемую карту этого региона в своем сознании и сознании своих современников.

В основе этой карты лежали прежде всего обобщения и сравнения под единой рубрикой, объединявшей их концептуально в единое целое, и

сравнение их с Европой/Россией, подразделявшее континент на разные части в зависимости от степени развития.

Об имперском строительстве чрезвычайно много писалось как о явлении политико-экономическом и политико-стратегическом, но мало как о социокультурном феномене.

Многие отечественные авторы отталкиваются от представления о некоей ценностно-обоснованной общеимперской норме, которая оказывается как бы «предзаданной», имеющей определенную онтологическую базу - вне зависимости от того, каким образом различные исследователи понимают эту норму и как к ней относятся. Западные же авторы концентрируют свое внимание на субъективно-психологических моментах имперского строительства: проблемах восприятия, мотивации, протекания межэтнических контактов. Создается впечатление, что те реальности, которые эти подходы призваны описывать, в чем-то существенном отличаются одна от другой. Что представляет собой культурологический подход к проблеме империи в западной научной традиции? По существу он призван ответить на вопрос, сформулированный Э. Саидом: «Как сложились те понятия и особенности в восприятии мира, которые позволили порядочным мужчинам и женщинам принимать идею, что удаленные территории и населяющие их народы должны быть покорены»[Said Ed.W. P. 5]. Этому факту находится универсальное объяснение: «Все человеческие существа воспитываются в культурных предрассудках о мире. Народ, который стремится господствовать над другими народами, не является исключением. Он вступает в отношения с другими народами уже имея определенные представления. Эти идеи упорно и настойчиво дают о себе знать, даже если действительность явно им противоречит»[Там же].

Взаимное непонимание контактирующих культур приводило к тому, что каждое общество видело в другом отражение своей собственной политической системы с присущими ей ценностями. Эта проекция политических ценностей и политических понятий вела к фундаментальному непониманию и нереалистическим ожиданиям с обеих сторон.

В этом свете подавляющее число исторические работ, так или иначе отражающие цивилизаторскую миссию России, не могут рассматриваться как примеры культурологического исследования сути российской колонизации и колониализма: они сами находятся внутри той же культурной традиции.

Культурный контекст, в рамках которого выкристаллизовались представления, с которыми была сопряжено российское продвижение на Восток и в Азию, можно рассматривать как культурологический подход к проблеме империй. Говоря словами Э. Саида «подготовка к строительству империи совершается внутри культуры»[Said Ed.W. Orientalism. L. Henley, 1978]

Следовательно, Российская империя есть продукт особого взаимодействия между силами и институтами метрополии и силами и институтами периферии, а не только сложноорганизованная универсальная система.

В результате такого переноса чужих категорий на контексты, сложность которых они не способны отразить, проникнутое колониальными и гегемонистскими интенциями знание может участвовать в формировании доминантного знания, затушевывая особенности конкретного исторического опыта колонизованных сообществ.

Важнейшее значение приобретает работа с источниками. Надлежит не столько создавать новые массивы данных, сколько подвергнуть критическому пересмотру уже имеющиеся источники – военные отчеты, административные предписания, меморандумы, прессу, сообщения чиновников и интеллектуалов – и задаться вопросом о том, в каких целях они до сих пор использовались. Именно так можно пролить свет на взаимосвязь между производством определенного знания («знания-власти») в недрах военно-административного аппарата и его превращением в источник информации для повторного издания «кавказоведческих» дискурсов. Это позволяет историографии с критических позиций рассматривать не только содержание источников, но и условия

возможности их возникновения и функционирования.

Важное значение приобретает изучение самого процесса концептуализации «идеи Востока». Под концептом в данном контексте подразумевается содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения. В научном знании концептуальную схему образует определенным образом упорядоченный и иерархизированный минимум. Сущность концептуализации образует нахождение требуемых концептов и установление их связи между собой. Функционируют концепты внутри сформированной концептуальной схемы в режиме понимания-объяснения, где каждый из них занимает свое четко обозначенное и обоснованное место на том или ином уровне концептуальной схемы.

Можно выделить различные уровни осмысления Востока\Азии: массовые представления, характерные для отечественной читающей публики; формирование научного дискурса об азиатских обществах и народах; историко-философские концепции российско-азиатского взаимодействия.

ГЛАВА 2. Основные источники информации в России о Востоке в начале XIX в.

Противостояние Российской и Османской империй носило постоянный характер, но это подогревало интерес отечественной читающей публики к Востоку. В апреле 1828 г. началась русско-турецкая война, и газета «Северная Пчела», рекламируя в июле того же года переводную книгу французского автора Ш.Деваля «Два года в Константинополе и Морее (1825-1826)», была уверена в ее успехе: ведь «кому из Русских не приятно будет познакомиться покороче со странюю... в которой теперь у каждого есть... родственник или знакомый» [СП. 21.07.1828, № 87, прил. «Объявление», с. 1-2].

Эти войны оказывали влияние на повседневную жизнь россиян. В первые десятилетия XIX в. «обычай привозить с собою, после походов, спасенного от гибели турченка или взятых в плен турчанок и дарить их своим родственникам на воспитание или в прислугу занес много примеси южнкой крови между нами» [Блудова, 1889, с. 56]. Подобные же сведения содержатся в мемуарах П.П.Семенова-Тянь-Шанского (1827-1914) [Семенов, 1917, с. 68].

Несмотря на постоянство контактов между Россией и Востоком, в первые десятилетия XIX в. ощущался дефицит достоверной информации даже о приграничных районах Азии. Даже на официальном уровне существовали весьма смутные представления о том, что реально из себя представляют те или иные ее регионы.

В чем кроется причина возникновения такой ситуации? На первый взгляд она может показаться очень странной, учитывая почти вековую к тому времени историю развития отечественной академической науки (не говоря уже об уходящей своими корнями в средние века традиции паломничества на Восток – к святым местам).

Благодаря учреждению Академии наук в 1724 г. было положено начало систематическому научному изучению Востока и восточных языков (подробнее см. [ИОВ, с. 50-60]). В России XVIII в. издавались труды

отечественных и зарубежных исследователей Азии, переводились сочинения популярных в эпоху Екатерины II (1729-1796) французских просветителей – Монтескье (1689-1755) и Вольтера (1694-1778), в которых затрагивалась восточная проблематика, в периодических изданиях публиковались статьи о восточных государствах. Не стоит забывать и о постоянных дипломатических сношениях России с Османской империей, Персией, Китаем. Иными словами, прочный базис для научного изучения Востока в России был заложен еще в ХУШ в.

Наряду с этим необходимо учитывать особенности восприятия информации обществом. Сферу научной деятельности нельзя выделять из общественной жизни в целом. Наличие научно разработанной информации о Востоке не означало, что эта информация активно использовалась российским обществом и правительством. Для восприятия и реализации выводов научного исследования требуется определенный уровень политического и культурного развития общества, требуется понимание практической необходимости и полезности этой информации.

Кроме того, восприятие широкими кругами общественности информации о Востоке, накопленной в сфере академического востоковедения к началу XIX в., затруднялось тем, что «главным содержанием востоковедных исследований было выявление, перевод и комментарий древнего или средневекового источника... Актуальными и политическими вопросами восточных стран ориенталисты, как правило, не занимались» [ИОВ, с. 371]. Философские размышления о Востоке Монтескье и Вольтера также не могли дать ответа на насущные внешнеполитические и экономические вопросы, стоявшие перед Россией. Внимание паломников было акцентировано на описании священных мест, собственно восточный мир предстал на страницах их книг как своего рода декорация к христианским святыням. Конечно, в сочинениях паломников находили свое отражение те или иные реалии жизни и быта восточных обществ (см., например [Малето, 1997]), но искать там глубоких и обстоятельных размышлений о политическом, экономическом и общественном устройстве азиатских государств не стоит: для авторов подобных работ путешествие на Восток было прежде всего духовным опытом.

Вопросы о политических принципах России по отношению к Османской империи, о частной собственности и о характере взаимоотношений государства и общества неоднократно поднимались Александром I и Николаем I, А.П.Ермоловым, М.М.Сперанским и Е.Ф.Канкриным, стремившимися по своему разрешить проблемы, остро вставшие перед Россией в XIX столетии. Разумеется, для того чтобы понять особенности отношения к османской империи периода русско-турецких войн потребовалось обращение к материалам предшествующего периода, так как многие тенденции в российско-кавказских отношениях и в понимании Востока россиянами были заложены еще в XVIII в. Вместе с тем сравнение воззрений на Восток (Азию) россиян XVIII и XIX вв., позволяет выявить принципиально новые явления в отечественной общественной мысли в периоды правления Александра I и Николая I.

Прежде всего необходимо выделить несколько основных социокультурных и политических факторов, определявших в начале XIX в. отношение россиян к Азии и Османской империи, в частности. Для большинства жителей Западной Европы слово «Восток» означало прежде всего регион, отдаленный сотнями и тысячами километров. В России ситуация была иной. Российское государство с XVI в. взаимодействовало, а с XVIII в. включало в себя прежде османские территории, поэтому Восток никогда не был для россиян далекой экзотикой (даже для тех из них, кто жил на северо-западе или в центре России). Восточные торговцы стали к началу XIX в. привычными обитателями российских городов. В 1816г. анонимный автор, описывая Летний сад и «гульбище подле Адмиралтейства», выделял в петербургской толпе таких людей, как «Арапы, Турки, Армяне, каждый в своем национальном наряде... Вот Англичане... вот Турки, вот Греки, вот Армяне... Я видал сих народов на картинах; здесь они в самой натуре...»[Дух Журналов... С. 559 (195) сл.] Восприятие широкими кругами общественности информации о Востоке в целом и Османской империи, в частности, накопленной в сфере академического востоковедения к началу XIX в., затруднялось тем, что «главным содержанием востоковедных исследований было выявление, перевод и комментарий древнего или средневекового источника... Актуальными и политическими вопросами восточных стран

ориенталисты, как правило, не занимались» [История отечественного востоковедения...1990. С. 371.]

Некоторое представление о характере сведений относительно Востока, доступных для отечественной политической элиты в эпоху Екатерины II, дают материалы дневника С. А. Порошина (1741-1769). С 1762 по 1766 г. он выполнял обязанности учителя математики и воспитателя великого князя Павла Петровича, будущего императора Павла I (1754-1801), и практически неотлучно находился при дворе императрицы. С сентября 1764 г., когда Павлу исполнилось 10 лет, по январь 1766 г. Порошин вел дневник, тщательно фиксируя в нем даже самые незначительные события из жизни великого князя, а также те беседы императрицы с придворными, которые проходили в присутствии наследника престола. Много раз здесь встречается имя Н.И.Панина (1718-1783), отвечавшего за воспитание великого князя (в 1762-1783 гг. он заведовал Коллегией иностранных дел, или Иностранной коллегией). Можно указать основные упоминания о Востоке на страницах этого дневника, дающие определенное представление о том, какой образ Востока мог сформироваться в сознании будущего императора.

1764 год. 23 сентября. Участники придворного маскарада были одеты в «Турецкие платья»; среди них - «Капитан Янычарский», «Визирь», «Муфти», два евнуха. Сам наследник престола выступал, естественно, в роли султана.

30 сентября. Павел в компании императрицы, Г.Г.Орлова, Н.И.Панина и английского посла из дворца наблюдал за церемониальным въездом в Петербург турецкой миссии, прибывшей с поздравительной грамотой по случаю восшествия на престол Екатерины II. Во время обеда в присутствии наследника престола Панин и вице-канцлер А.М.Голицын беседовали «об обрядах Турецких» и вспоминали о «неистовствах и насилиях», которые творили турецкая и персидская миссии во время проезда по России в царствование Анны Иоанновны (1730-1740).

5 октября. Состоялась аудиенция турецкого посла у Панина и передача ему грамоты от везира вечером у Екатерины II «разговаривали во все время о Турецком посланнике и о Турецких обрядах».

14 октября. Во время аудиенции турецкого посла у Екатерины II императрице была передана Официальная грамота султана.

В течение октября Панин и Порошин в беседах (как правило, во время обеда у наследника престола, куда приглашались и другие лица) постоянно обращались к восточной тематике. Так, Порошин как-то забавлял Панина рассказом о сочинении датчанина Голберга: «Онъй писатель, рассуждая в нравоучительных своих мнениях, как хитр и пронырлив был Магомет, говорит, что и в царстве Небесном насулил он Туркам всего того, к чему они страстны, вызнавши все склонности и прихоти сего народа; наконец заключает, что ежели б сему обманщику случилось законодавцем быть у Голландцев, то б обещал им в Царстве Небесном неистоимое множество табаку... сельдей, колбасов, сыру; для Лифляндцев везде б масла наставил и проч.». А Панин говорил о подготовке в Коллегии иностранных дел официальных грамот, адресованных султану и везиру, и о том, «как в старину от нас к чужим дворам послы езжали», «о титулах Восточных Государей». Он весьма неприятно отзывался об Османской империи, в частности как-то заявив по-французски, что «эта империя сформирована разбоем (brigandage)» турок. В этом же месяце состоялся заочный обмен подарками с турецким послом, причем последний прислал Павлу шесть скляночек духов в «серебряной чашке». Во время маскарада, состоявшегося при дворе 22 октября, Павел лично благодарил посла.

17 ноября. Пришло известие о смерти турецкого посла, человека весьма преклонного возраста. Читал Павлу книгу о Персидском походе Петра I.

17 декабря. Присутствовавший на обеде гвардии майор Любим Артемьевич Челищев, старик, который «был во всех Турецких и Крымских походах», развлекал Павла историями об удалестве казаков в боях с турками и описанием боевого построения янычар. Закончилась беседа чтением оды Ломоносова на взятие русскими войсками Хотина в ходе войны с Османской империей.

22 декабря (характерная для эпохи Просвещения деталь содержится в этой записи): «Государь встать изволил в осьмом часу, в начале. за чаем

разговорились мы о сочинениях господина Монтеску (Монтескьё), о коем вчерась читали».

25 декабря. Вице-адмирал Г.А. Спиридов описывал свое плавание по Каспию и упоминал о виденных им в персидском городе Гиляне развалинах укреплений, сооружение которых приписывал ось Степану Разину.

31 декабря. Во время обеда беседа шла о крепостном человеке А.Ф.Никифорова – российского представителя в Крымском ханстве: бежавший крепостной принял ислам и перешел в подданство ханства.

1765 год. 16 марта. Сотрапезники Павла «разговорились о грехах под Турецким владением. Его преподобие [учитель закона Божьего] отец Платон сказывал тут о многих обстоятельствах, касающихся в сих местах до нашего Православия. Говорили, какие Греки имеют притеснения и какие, напротив того, выгоды».

12 мая. К императрице «в биллиардную мичмана Алисова приводили, который приехал из Ост-Индию. Затем он был приглашен к Павлу: «Алисов за обедом и после обеда про Ост-Индию рассказывал» .

31 августа. Павел смотрел трагедию Вольтера «Магомет» В исполнении французской труппы.

17 ноября. Во время прогулки по Петербургу Павел разглядывал «арматуры» на доме фельдмаршала Миниха на Литейной улице, изображавшие закованных в цепи турок.

В январе 1766 г. вызвавший недовольство Панина Порошин был отстранен от воспитания наследника престола и удален от двора. Тем не менее сохранившееся даже в таком конспективном виде изложение повседневных событий и разговоров в течение фактически полутора лет позволяет очертить круг информации о Востоке, об Османской империи, доступной для российской политической элиты.

В беседах людей из окружения императрицы и наследника престола Восток представлен довольно широко и географически, и во временном срезе. Постоянен интерес к Османской империи и Персии. Являясь политическими соперниками России, эти государства поддерживали с ней относительно стабильные дипломатические отношения.

Уровень осмысления Востока различными собеседниками императрицы и наследника далеко не одинаков. Здесь и открытая неприязнь к Османской империи со стороны Панина (которая никак не отражается на приеме турецкого посла), и простое человеческое любопытство по отношению к обычаям восточных народов, и личные впечатления ветеранов русско-турецких войн, и пересказывание вульгарных насмешек над исламом, отражавших, скорее всего, не столько неприятие мусульман, сколько характерную для западноевропейской общественной мысли эпохи Просвещения критическую тенденцию в духе Вольтера по отношению к религии как таковой. Все это соседствует с чтением (или восприятием на слух) сочинений Монтескье и Вольтера.

Картина возникает чрезвычайно пестрая. Несомненным остается одно: в XVIII столетии концепт «Восток» уже постоянно присутствовал в сфере интересов российской власти.

Временной диапазон затрагиваемых тем охватывает период от завоеваний Золотой Орды до эпохи Екатерины II. Следует отметить и обращение Панина и Порошина к историческому опыту России, касающемуся ее политических и дипломатических отношений со странами Востока, хотя оно проявляется лишь в рассказах о поведении русских и восточных послов во время выполнения ими дипломатических миссий. В результате наследник престола получает некоторое представление о дипломатической «кухне»: О порядке приема восточных посольств и подготовки официальных документов в Коллегии иностранных дел. Неудивительно, что именно при Павле I, в 1797 г., в ее составе впервые была учреждена экспедиция (структурное подразделение) для дел по сношениям с азиатскими народами.

Уровень осмысления Востока различными собеседниками императрицы и наследника далеко не одинаков. Здесь и открытая неприязнь к Османской империи со стороны Панина (которая никак не отражается на приеме турецкого посла), и простое человеческое любопытство по отношению к обычаям восточных народов, и личные впечатления ветеранов русско-турецких войн, и пересказывание вульгарных насмешек над исламом из сочинения

Голберга, отражавших, скорее всего, не столько неприятие этим автором мусульман, сколько характерную для западноевропейской общественной мысли эпохи Просвещения критическую тенденцию в духе Вольтера по отношению к религии как таковой. Все это соседствует с чтением (или восприятием на слух) сочинений Монтескье и Вольтера и попыткой православного священника о. Платона объективно разобраться в проблеме османского владычества над христианами и выяснить, какие же привилегии («Выгоды») имеет православная церковь на территориях, подвластных Османской империи.

Вместе с тем нельзя не заметить бессистемность и поверхностность информации о Востоке, поступающей ко двору. Как правило, это были случайные разговоры, связанные, например, с прибытием турецкого посольства либо с приглашением на обед к наследнику престола людей, так или иначе столкнувшихся с восточным миром. То, что Восток в придворных беседах был представлен довольно широко, не означает глубины и полноты этой информации.

Кроме того, значительные трудности в усвоении и применении на практике накопленных в течение XVIII в. сведений о Востоке создавали и особенности политического развития России. В 1796 г. Екатерину II на российском троне сменил Павел I. Как известно, приход нового монарха сопровождался его подчеркнуто отрицательным отношением к деятельности императрицы. Происходила смена внешнеполитических ориентиров: от борьбы с республиканской Францией Павел I перешел к противостоянию с Великобританией, что сказалось и на восточной политике России. Таким образом, политическая традиция и сложившаяся дипломатическая практика прерывались (до определенной степени).

Разумеется, Павел I должен был действовать в сложившихся ранее политических реалиях, однако основные направления внешней политики России при нем фактически формировались заново, и опыт предыдущего царствования в этом вопросе был для императора не так уж и важен.

Александр I (1777-1825), придя к власти, декларировал возвращение к екатерининским порядкам, чтобы восстановить прерванную политическую традицию. Со временем одной из главных целей внешней политики России стала победа над наполеоновской Францией. Свои внешне и внутривнутриполитические задачи Александр I понимал совсем иначе, нежели Павел I и Екатерина II. Другими словами, ценность опыта, накопленного Россией во внешнеполитических отношениях в XVIII в., в глазах монарха и его окружения значительно снижалась.

В этих условиях сведения о Востоке, собранные в XVIII столетии, конечно же, учитывались российским правительством, однако ни характер, ни объем этих данных уже не соответствовали его запросам.

Наряду с этим недостаток информации о Востоке в России в начале XIX в. обуславливался и иными факторами. В частности, значительным препятствием для проникновения россиян на Восток являлись огромные пространства самой России. Связи между частями империи были затруднены, поэтому подготовка экспедиции или миссии на Восток требовала больших усилий и материальных затрат даже на ее проход по территории России, представлявшей для правительства едва ли меньшую загадку, чем страны Востока.

Публикации в российской прессе позволяют понять, что конкретно было привнесено в понимание Востока российским обществом в первой половине XIX в., а также каким образом в этот период распространялась информация об Азии в целом.

Периодическая печать приобрела важную роль в общественном сознании изучаемой эпохи. Постоянные конфликты России с Персией и Османской империей — эти политические события, затрагивавшие повседневную жизнь десятков и сотен тысяч россиян, побуждали их внимательно следить за сообщениями в газетах и журналах.

С одной стороны, издатели следовали вкусам своих читателей, с другой

— сами подогревали их интерес к Османской империи как составной и неотъемлемой, как считалось, части Востока. Благодаря этому новейшие «востоковедческие» исследования находились в тот период в центре общественного внимания. Например, автор под инициалами Д.Р.К. в своей статье «Письма на Кавказ», помещенной в «Сыне Отечества», отзываясь о публикации переводных заметок на восточную тематику в альманахе «Северные Цветы», напоминал читателям о вышедших в свет незадолго до этого работах Тимковского, Муравьева, Сенковского.

В 1816 г. адмирал Н.С.Мордвинов, член Государственного Совета, подал на рассмотрение Комитета министров записку, посвященную «умиротворению» Кавказа. Мордвинов пользовался авторитетом среди самых широких слоев общества, и многочисленные копии его записок по различным вопросам расходились по всей России, оказывая влияние на общественное мнение. Адмирал развивал идеи, выдвинутые еще в 1804 г. А. Чарторыйским (исполнявшим в то время обязанности министра иностранных дел), о необходимости мирного, экономического воздействия России на жизнь кавказских горцев. Чарторыйский в своем отчете императору предлагал «смягчить их законы, упрочить благосостояние и внушить им любовь к порядку и правосудию». [Мемуары князя Адама Чарторижского... Т. 2, С. 187] Вместе с тем Мордвинов намечал и главную перспективу российской политики в этом регионе: «...Россия должна иметь... не единую, временную токмо безопасность... Пред нею лежат Персия и Индия. К оным проложить должно дороги и соделать их отверстыми и безопасными во внутренность России. Европа устарела и требует мало от избытков наших; Азия, юная, необразованная, теснее соединиться может с Россиею, и все, что изящное в превосходстве просвещения и труде заключается, послужит к увеличению могущества России над сею пространнейшею частью света» [Мнение адмирала Мордвинова... (Рос. гос. б-ка). С. 1 – 2.; См. также Архив графов Мордвиновых. Т. 5. С. 148-155].

Адмирал актуализировал тезис о необходимости развития экономических связей преимущественно с Азией, выдвинутый еще в XVIII в. По замыслу Мордвинова Кавказ и Закавказье должны были стать для России

ступеню к внутренним просторам Азии. Его мнение получило не только поддержку членов Комитета министров, в частности А.А.Аракчеева и Д.А.Гурьева, но и высочайшее одобрение. [Там же. С. 148-149, примеч. 1]

14 ноября 1828 г. «Коммерческая Газета» (№ 91) со ссылкой на немецкую прессу перепечатала статью, где высказывалось предположение, что полная победа России над Османской империей «восстановит существовавшие прежде между Азией и Европою торговые сообщения, обратит на древнюю сухопутную дорогу большую часть производящейся ныне чрез Английские Ост-Индские владения Азиатской торговли и освободит Европейский рынок от тягостной монополии Англичан и от торгового их первенства».

Даже в 1841 г. Булгарин все еще надеялся, что России благодаря ее удобному географическому положению удастся занять лидирующее положение в европейско-азиатской торговле. [Булгарин. Т. 5 - 7. С. 17 - 18]

Если сбросить внешний покров российской ориентальной идеологии и политики и взглянуть на грамматику, в соответствии с которой они с начала XIX в. разворачивались, то ситуация проясняется.

Мало что демонстрирует так зримо и рельефно эту грамматику, как те институты власти, которые, хотя и были изобретены еще до начала XIX в., изменили, по мере вступления в эпоху механического воспроизводства, свою форму и функцию. Этими институтами стали статистический учет населения и картография: они глубоко повлияли на то, что Российская империя созерцала в воображении свои окраинные и приграничные пространства – природу людей, которыми оно правило, географию своих владений и легитимность своего происхождения.

Исследование схем восприятия, оценивания и действия, характерных для российской высшей военной и гражданской бюрократии это убедительно показывает. Образцы «категорий идентичности», собранные из документов, поочередно производившихся с конца XVIII в. вплоть до окончания середины XIX в., демонстрируют необыкновенно быстрый и с виду произвольный ряд изменений, в котором эти категории постоянно соединяются воедино,

распадаются на части, заново комбинируются, смешиваются друг с другом и перегруппируются (политически влиятельные категории идентичности непременно оказываются во главе списка). Из этих переписей – статистических и географических обзоров – следует два основных вывода. Во-первых, пока продолжался период военно-политического и дипломатического противостояния, категории переписей становились все более наглядно этническими и политическими. Религиозная идентичность, в свою очередь, постепенно утрачивала роль первоочередной учетной классификации. Эти «идентичности», рожденные воображением классифицирующего умов военной и гражданской бюрократии государства, еще только ожидали своей реификации, которая вскоре стала возможна благодаря имперскому административному проникновению. Кроме того, можно заметить стремление изготовителей обзоров-переписей к завершенности и однозначности. Отсюда их нетерпимость к множественным, политически «трансперитивным», неясным и изменчивым идентификациям. Замысел состоял в том, чтобы каждый попал в обзор и имел в нем одно – и только одно – абсолютно ясное место. Тем не менее, Российской империи часто приходилось сталкиваться с реалиями, доставлявшими ей неудобства. Важнейшей среди них была, несомненно, религиозная принадлежность, служившая основой очень старых и стабильных воображаемых сообществ, совершенно несовместимых с авторитарной схемой государства.

Этот способ сотворения образов государством родился гораздо раньше. Если реконструировать классовую структуру Османской империи, взяв в качестве основы старейшие документы, то дело в том, что где бы ни оказывались первые путешественники и военные, они непременно обнаруживали там князей, дворян, простолюдинов – крестьян и рабов – квазисословия, почерпнутые из социальных классификаций Европы или России. Власть системы координат настолько велика, что такие свидетельства отодвигаются в воображении исследователей в сторону, и им становится трудно увидеть, что «классовая структура» доколониального периода есть «учетный» образ, созданный воображением ранних путешественников и исследователей. Куда бы ни ступала их нога, повсюду им виделись «князья» и «дворяне».

Даже если путешественник преодолевал грандиозные пространства России, проникновение на Восток оставалось для него делом крайне сложным. Россия граничила с враждебными Османской империей и Персией, так что о проведении отечественными путешественниками научных экспедиций на их территориях в те времена не могло идти и речи. Так что, увидеть Восток «изнутри» удавалось очень немногим, и сведения, доставлявшиеся этими людьми, зачастую носили сбивчивый, бессистемный характер.

Недостаток достоверных знаний об азиатских государствах долгое время не позволял адекватно оценить уровень развития этих стран, их экономический и военный потенциал. В частности, это невозможно было сделать из-за отсутствия хотя бы приблизительных данных о количестве проживавшего там населения. Цифры, приводившиеся различными исследователями в отношении одной и той же страны, зачастую различались в несколько раз.

Так, 29 сентября 1828 г. в «Северной Пчеле» (№ 117) была перепечатана из французского журнала заметка «о народонаселении Турцию, где выражалось сомнение по поводу точности статистических данных об Османской империи.

Такое состояние дел, несомненно, должно было вызвать у читающей публики стремление получить новые, более достоверные сведения и, наконец, разобраться в том, что же представляют собой те или регионы Азии на самом деле.

Публикации в российской прессе позволяют понять, что конкретно было привнесено в понимание Востока российским обществом в первой половине XIX в., а также каким образом в этот период распространялась информация об Азии в целом и об Османской империи, в частности.

Периодическая печать приобрела важную роль в общественном сознании изучаемой эпохи. Наполеоновские войны, постоянные конфликты России с Персией и Османской империей – эти политические события,

затрагивавшие повседневную жизнь десятков и сотен тысяч россиян, побуждали их внимательно следить за сообщениями в газетах и журналах. Н.В.Гоголь, отзываясь о настроениях русской читающей публики в годы Наполеоновских войн, с иронией писал («Мертвые души», гл. 10): «В это время все наши помещики, чиновники, купцы и всякий грамотный и даже неграмотный народ и сделались по крайней мере на целые восемь лет заклетыми политиками. «Московские Ведомости» и «Сын Отечества» зачитывались милосердно и доходили к последнему чтецу в кусочках, не годных ни на какое употребление».

Через некоторое время после возвращения экспедиции (или миссии) из Азии, можно сказать как правило, выходила книга с записками одного из участников этого предприятия (примером могут служить произведения Е.Кайдалова, Е.Ф. Тимковского, Н.Муравьева). Эти работы рекламировались прессой в рецензиях (см., например [Булгарин, 1822]).

В «Северном Архиве» публиковались переводы - фрагменты из записок путешественников (см., например [Мейендорф, 1824]), научных исследований (см., например [Френ, 1826; Эрдман, 1828]), а также из турецких исторических хроник (см., например [Сенковский, 1826]). С одной стороны, издатели следовали вкусам своих читателей, с другой – сами подогревали их интерес к Востоку.

В 1829 г. в журнале «Сын Отечества и Северный Архив» была опубликована записка В.Зубова от 1801 г., на которую ссылался Александр I в инструкции Ермолову. С тех пор записка потеряла всякую актуальность в глазах правительства и была сдана в архив. Однако ее публикация в журнале продемонстрировала, что данная проблема продолжала оставаться в центре внимания широких кругов российской общественности, не посвященной в планы петербургских сановников. Даже в 1841 г. Булгарин все еще надеялся, что России благодаря ее удобному географическому положению удастся занять лидирующее положение европейско-азиатской торговле (см. [Булгарин, 1841, с. 17-18]).

Григорьев в своей рецензии с иронией отзывался о стереотипах, господствовавших в общественном мнении дореформенной России. Его вывод был однозначен: «Пока над Внутреннюю Азию будут тяготеть теперешние... беспорядок и варварская дикость, естественно порождающие бедность и апатию, значительное развитие торговли с нею... невозможно». Если России удастся коренным образом изменить политическое и экономическое устройство средне азиатских государств, «тогда может пойти речь и о торговле России со странами к юго-востоку от Внутренней Азии; до тех же пор... пока эта последняя будет оставаться тем же, чем она есть, всякое рассуждение об этом будет праздною, совершенно бесполезною болтовнею» [там же, с. 180-181].

Предложения относительно присоединения среднеазиатских ханств к России, высказывавшиеся еще в 20-е годы Муравьевым и Мейендорфом, при Александре II (1818-1881) были поставлены на повестку дня.

ГЛАВА 3. «Азиатская роскошь» как форма репрезентации восточных обществ

При осмыслении Востока россиянами важную роль играло стереотипное представление об «азиатской роскоши»: «Обитель роскоши и мира, Свежа долина Кашемира...»

Такие картины манили россиян, зачитывавшихся в 20-е годы «восточной» поэмой Томаса Мура (1779-1852) «Лама-Рук» (1817) в переводе В.А.Жуковского. В 1821 г. великая княгиня Александра Федоровна (1798-1860), будущая императрица, на костюмированном балу в Берлине была одета в «восточный» наряд героини поэмы (см. [Лотман, 1995, с.523]). Приведенная здесь цитата из этого произведения тем более интересна, что в английском первая строка отсутствует (см. [Жуковский, 1985, с. 456, 457]).

Рассматриваемая проблема затрагивалась В.В.Бартольдом (1869-1930), который, проследив генезис этого понятия в эпоху античности, пришел к выводу, что «представление об азиатской роскоши неразрывно было связано с представлением об азиатском деспотизме».

Европейцам, в том числе Пушкину, «бросалась в глаза только азиатская бедность» [Бартольд, т. IV, с.404]. Конкретные проявления этих представлений и особенности восприятия «азиатской роскоши» в России - эти вопросы остались за рамками статьи Бартольда.

Понятие «роскошь» имело в XIX в. два основных значения. Первое относилось к области эстетики и подразумевало «изящное», «прекрасное». Второе значение слова (подразумевающее «избыток», т.е. «все, что сверх известной меры») ближе к его современному пониманию. Например, автор «Курса политической экономии» Шторх (1766-1835) определял роскошь как «понятия и желания наслаждений свыше первоначальных житейских нужд» [Шторх, 1881, с. 19-20]. Естественно, между «прекрасным» и жизнью «утонченной и извращенной» - огромная разница. Различные аспекты этого понятия порой переплетались друг с другом, запутывая читателей, которым приходилось догадываться об истинном значении той или иной фразы.

Сведения об «азиатской роскоши» попадали в Россию самыми различными способами. Например, о ней рассказывали те, кому довелось побывать в восточных странах. Речь идет о дипломатах, путешественниках, пленниках и т.д. Во всяком случае, некоторые государственные деятели не сомневались в великолепии восточных дворов. Румянцев в инструкции Гавердовскому сообщал, что бухарский хан, «склонен будучи к роскоши, завел пышность при дворе своем, рассеяв в владении Бухарском блеск мечтательной сей прелести» [АВПРИ, 1802 г., д. 2, л. 108]. Российскому офицеру Н.М.Клементу, попавшему к туркам в плен и прожившему в Стамбуле два месяца, показалось издали, что город «покрыт золотою сетью». На него произвели впечатление и золотые ковши, подвешенные золотыми цепочками на мраморных фонтанах в окрестностях Стамбула (см. [Клемент, 1823, № 17, с.283-284]). Другой автор в своем «Письме русского из Константинополя», описывая одну из церемоний, происходивших в столице Османской империи, заметил: «Султаны при сем обряде оказывают все великолепие Восточной роскоши» [СП. 17.05.1828, № 59]. А Г.Н. Городчанинов, председатель Казанского общества любителей отечественной словесности, в сочиненной им (по случаю торжественного собрания в Казанском университете, состоявшегося 5 июля 1816 г.) оде «Плоды благословенного мира» (довольно наивной с литературной точки зрения) так персонифицировал Азию [КИ. 29.07.1816, № 61, с.299]:

в драгоценнейшем тюрбане,

В алмазов, яхонтов лучах,

На злато-шелковом диване

Иль на узорчатых коврах Своих изделиях персидских,

В одежде из тканей Ост-Индских Роскошна Азия сидит...

Представления о «восточной роскоши» возникали у россиян не только под влиянием художественной литературы и записок тех, кто побывал на Востоке. Привезенные в Россию дорогие кашмирские шали, военные трофеи (драгоценное оружие, золотые изделия) способствовали распространению мнения о «роскошной жизни Азиятцев» в самых широких слоях общества (см., например: [Пушкин Ан, 1826, № 11, с.265; Бестужев-Марлинский, т. II, ч.4, с.133-134]).

Некоторые пытались связать феномен «азиатской роскоши» с особенностями устройства восточных обществ. Так, в одной статье «Северного Архива» роскошь трактуется как образ жизни, свойственный азиатским народам: «Роскошная жизнь Азиятцев, их празднoлюбие и равнодушие ко всему лучшему (здесь: прогрессивному) казались нам всегда неизбежною болезнью, общею всем Восточным народам, сколько потому, что она в равной силе свирепствовала... при Соломоне и Ксерксе, при Крезе, при Турецких султанах и раджах Индийских, столько и потому, что самые отважные завоеватели... арабы и монголы через несколько времени после своих геройских подвигов какою-то непреодолимою силою вовлекались в подобную же роскошь и негу» [Рашков, 1826, с. 202]. Причину «болезни» автор объясняет, в части ости, природными условиями азиатских стран. В результате «Восток с незапамятных времен остается при своих старых обычаях: в нем ничего существенно не переменилось, и образ мыслей прадедов виден во всех поступках позднейшего потомства». Таким образом, для Н. Рашкова категория «роскошь» определяет наиболее важные аспекты бытия восточных обществ.

Сходное мнение разделял А.В.Никитенко (Никитенков). С его точки зрения, римляне, «величавые обладатели Вселенной, купившие власть над ней ценой геройских доблестей, изнемогли наконец от Азийских снедей, ткани и золота» [Никитенко, 1828, с. 23]. Правда, это суждение было не слишком оригинальным: по Бартольд (см. [Бартольд, Т.IV, с.404]), одним из первых подобную мысль высказал Августин Аврелий, известный как Блаженный Августин (354-430) [Августин, с. 90-91, 161]. «Восточная роскошь» В трактовке Рашкова и Никитенко представляла собой своеобразную, затягивающую в себя, стихию.

Иногда стереотипная констатация взаимосвязи роскоши и восточного деспотизма приобретала комический оттенок. Например, в нравоучительном «восточном» рассказе Булгарина «Человек и мысль» судья (кади) обращается к своей жене со словами: «Сокрой от глаз моих твои прелести, которые я старался украшать драгоценностями, купленными слезами народа» [Булгарин. Человек, с. 64]. Образчики «азиатской роскоши» искусственно воссоздавались в России. В «Северной Пчеле», под рубрикой «Смесь», 23 января 1826 г. (№

10) сообщалось о новостях петербургской жизни: «С неделю, как здешняя публика посещает казенный стеклянный завод, чтобы видеть хрустальную кровать, назначенную в подарок Персидскому Шаху».

Представления о Востоке, почерпнутые из художественной литературы, редко выдерживали испытание при столкновении с реальностью. Оказавшись на Востоке, россияне зачастую стремились обнаружить признаки «азиатской роскоши» И мало кто из них не испытал, чувства разочарования.

Этапным периодом в развитии представлений об «азиатской роскоши» стала русско-турецкая война 1828-1829 гг. Многие офицеры русской армии пытались сопоставить собственные представления о Востоке со своими непосредственными впечатлениями. Так, подполковник Радожицкий, посылавший письма с театра военных действий в «Северную Пчелу», встречался в Арзруме с Пушкиным. Характерно, что офицер увидел в этом городе тоже, что и великий поэт: не «богатства», а кривые узкие улицы, невзрачные фонтаны, сломанные башенные часы, покрытые ржавчиной древние доспехи в арсенале; не богатейший город Азии, а городок, который «в обширности своей... уступает даже нашему Курску», не пленительных гурий, а «живых мумий» В белых чадрах, «как в саванах», не «азиатскую роскошь», а «азиатское невежество» [Радожицкий. Письма; Радожицкий, 1829]13 (см. также [Тартаковский, 1991, с. 148-151]).

А.Н. Вульф, хороший знакомый Пушкина, принимал участие в русско-турецкой войне на европейском театре военных действий. В сентябре 1829 г. он присутствовал на переговорах между верховным везиром и представителями командования русской армии в г. Шумле. Вульф записал в своем дневнике: «...подали трубки и кофей. Длинные черешневые чубуки были с красивыми янтарями... кофейные чашечки у турок... подаются вставленные в другие, металлические; последние у Визиря были также украшены камнями... . Вот все, что я нашел похожего на роскошь у первого сановника Порты. Одежда его была проста...» [Вульф, 1916, с. 76].

В 1836 г. в первом томе журнала «Современник» впервые увидело свет «Путешествие В Арзрум», В пятой главе которого содержалась ставшая

знаменитой фразы: «Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь... Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы. В Арзруме ни за какие деньги нельзя купить того, что вы найдете в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии». Эта фраза подводила своеобразный итог размышлениям многих современников великого поэта.

Суждения Пушкина пользовались авторитетом, и с конца 30-х годов насмешка над «азиатской роскошью» становится таким же общим местом в «восточных» записках россиян, каким до того времени было неизменное упоминание о роскоши Востока в литературных произведениях.

Например, князь А.Д.Салтыков(1806-1859), совершая путешествие в Персию в 1838 г., был разочарован видом Тифлиса. В городе, писал он, «не видно отрадной зелени и Азиатской роскошной архитектуры... а мне так хорошо снилось о густых садах и Азиатской неге» [Салтыков, 1849, с. 8-9]. Характерно, что Тифлис, находившийся на территории Российской империи, все еще продолжал восприниматься как часть далекого и загадочного Востока. Такова была общая тенденция развития представлений об «азиатской роскоши» в российской общественной мысли дореформенного периода: уверенность в существовании «азиатской роскоши» под влиянием непосредственных контактов с Востоком перерождалась в представление об «азиатской бедности».

Пушкин воспринимал понятие «роскошь», в частности, как нечто прекрасное, замечательное. В первом томе «Современника» вместе с «Путешествием в Арзрум» был опубликован очерк Казы-Гирея «Долина Ажитугай». В примечании к очерку (с. 169) поэт писал: «...любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным...». Иными словами, на страницах «Современника» мифической «азиатской роскоши» противопоставлялась европейская «роскошная образованность».

Бестужев-Марлинский относил «восточную роскошь» к области эстетики [Бестужев-Марлинский, т. IV, ч. 11, с. 168-169].

Именно двойственностью данного понятия объясняются явные (на первый взгляд) противоречия в трактовки «азиатской роскоши» разными авторами, а то и одним и тем же сочинителем. Эта двойственность позволила Булгарину, публиковавшему Радожицкого, который описывал Арзрум в самых мрачных тонах, год спустя в книге «Картина войны России с Турциею...» восхищаться «русскими орлами», воевавшими «за хребтами неприступных Балканов, под стенами древней столицы Оттоманов и в роскошных долинах Арзрумских» [Булгарин, 1830, с. 44]. Эпитет «роскошные» в данном случае подразумевает не избыток материальных благ у жителей Арзрума, а красоту пейзажа.

Противоречия в трактовке данного понятия объясняются еще и тем, что сама реальность не однозначна. К.М.Базили (1809-1884) в своей книге, посвященной описанию Стамбула, упоминая о том, что «утонченная Азиатская роскошь несказанно возвышает всякое чувственное удовольствие», отмечал неопрятность жителей города. По его мнению, «Европейская роскошь в белье туркам совершенно неизвестна» [Базили, 1836, с. 6, 94].

В зависимости от целей своего сочинения автор мог акцентировать внимание читателей на «азиатской роскоши» или на «азиатской бедности». Так, Ермолов, стремясь продемонстрировать пагубность деспотического образа правления, сосредоточился на описании тех аспектов жизни персидского общества, которые доказывали его правоту и вызывали у читателя чувство отвращения к неограниченной власти. Генерал не мог рассчитывать на полную публикацию текста, поэтому и не пытался лакировать его, подстраиваясь под вкусы издателей. Статья же Мальцева изначально предназначалась для публикации в «Северной Пчеле», и автор, вероятно, прекрасно представлял себе запросы читательской аудитории этой газеты. Сама статья была посвящена необычному событию – празднованию, проводившемуся в Тавризе (совр. Тебриз), по случаю взятия русскими войсками Варны в ходе войны с Турцией (Персия в тот момент враждовала с Османской империей). Естественно,

Мальцев предпочел порадовать читателей описанием яркого восточного торжества.

Перечисленные выше факторы обусловили стойкость рассматриваемого стереотипа, и, несмотря на некоторую трансформацию взглядов россиян - речь идет о появлении описаний «азиатской бедности» «азиатского свинства», - представления об «азиатской роскоши» все же продолжали существовать и в пореформенный период.

ГЛАВА 4. Представления россиян о «восточном красноречии» и «восточной мудрости»

В первой главе «Путешествия В Арзрум» есть эпизод, повествующий о встрече Пушкина по дороге в Тифлис с персидским придворным поэтом Фазил-ханом, сопровождавшим персидского принца Хосроу-мирзу - главу «искупительной миссии» по поводу гибели Грибоедова (1829). Пушкин вспоминает о своей беседе с собратом по перу: «Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие...».

Аналогичные представления о восточном красноречии были свойственны многим его современникам. В первые десятилетия XIX в. в российской общественной мысли существовало представление о том, что на Востоке принято изъясняться (писать), пересыпая речь (текст) аллегориями, метафорами, стихами, отчего даже обыкновенное приветствие превращается в литературное произведение.

Можно назвать несколько источников формирования этого стереотипа. Для составления официальных документов, предназначенных восточным правителям, в качестве образца использовались послания тех же восточных правителей в адрес российских монархов или высоких сановников. Например, А. Н. Муравьев (брат Н. Н. Муравьева), посетивший в 1830 г. Египет, приветствуя Мухаммеда Али (1769-1849), попросил переводчика «изъяснить Паше, как сладостию... быть в областях его эхом нашего великого народа, исполненного уважения к светлomu преобразователю сих древних стран, которого благодатная рука – как второй Нил для Египта» [Муравьев А, 1832, с. 127].

Эта традиция велеречивых изъяснений продолжала сохраняться и в 1830-е годы. К каким же результатам на практике приводило использование россиянами приемов восточного красноречия?

Попытка Пушкина приветствовать персидского поэта высокопарным языком потерпела неудачу. «...Мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на

мою неуместную затейливость простою, умной учтивостию порядочного человека. Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы», - так вспоминал об этом эпизоде великий поэт в первой главе «Путешествия В Арзрум».

Витиеватые, с нашей точки зрения, выражения, употреблявшиеся на Востоке при обращении подчиненного к вышестоящему лицу, не столько удовлетворяли эстетическим запросам последнего, сколько фиксировали строго определенные нормы социальных отношений. С одной стороны, такая форма обращения еще раз подтверждала незыблемость существующей власти, с другой – предоставляла возможность создать у правителя благосклонное настроение по отношению к своему подданному. Вне данной системы взаимоотношений восточное красноречие во многом теряло свои смысл.

Бесперспективность ставки на «неуместную затейливость» в стремлении добиться взаимопонимания с обитателями Востока становится для россиян все более ясной к концу 1830-х годов. Уже «Путешествие в Арзрум», вышедшее в свет в 1836 г., отражало новую тенденцию в отечественной общественной мысли. Салтыков в 1838 г. отзывался о восточном красноречии как о наборе банальностей, за которыми скрывается отсутствие какого-либо содержания.

Наряду со стереотипом восточного красноречия у россиян сложилось представление о восточной мудрости. Восточная мудрость это изречение-афоризм, подобное морали в баснях, употреблявшееся, как правило, в нравоучительных целях. В связи с тем, что для афористических выражений характерна метафора, восточная мудрость превращалась в миниатюрный образчик восточного красноречия, так что оба этих представления развивались параллельно.

Понятие о восточной мудрости начало складываться задолго до XIX в. Формированию этого стереотипа способствовало европейское увлечение идеализированным Китаем и конфуцианской философией. В первые десятилетия XIX столетия обращение к восточной мудрости было стимулировано статьей Уварова «Мысли о заведении в России Академии

Азиатской», где провозглашалось: «Азия есть то средоточие, из которого истекло просвещение, разлившееся по всему земному кругу...» [Уваров, 1811, № 1, с. 28].

Восточная мудрость в представлении читателя была связана с образом восточного правителя, в чьих устах она становилась как бы еще более мудрой. 10 марта 1828 г. в «Московских Ведомостях» [№ 220, с. 879] можно было прочитать, что «Паша Египетский, как сказывают, принял известие о Наваринском сражении с величайшим равнодушием. «Я не сожалею о кораблях, - сказал он, - ибо могу построить новые, но весьма жалею о потере людей». Эта фраза соответствовала образу мудрого правителя-реформатора, каким представлялся Мухаммед Али многим российским читателям в первые десятилетия XIX в. Например, Греч высказывал предположение, что египетский реформатор «мог бы объявить себя независимым и даже присоединиться к Грекам (о чем уже носились слухи)» [Греч, 1825, N2 2, с. 216].

Разочарование в деятельности восточных реформаторов затронуло и данный стереотип. Восточная мудрость со временем начала восприниматься как вычурная тривиальность, скрывающая отсутствие глубокого смысла в словах. Очень ярко это сказалось на восприятии личности Мухаммеда Али. Если в 1830 г. А.Н.Муравьев восхищался мудростью реформатора, то десятилетие спустя попытки египетского паши изрекать философские фразы вызывали у Базили только иронию. Высказывание Мухаммеда Али, обращенное к российскому дипломату: «Решили ли европейские мудрецы, в чем состоит истинное счастье для человека? Много пишут, еще более говорят, как управляться с народными массаами и как доставить им наилучший образ правления; но упускают из виду индивидуальное благополучие человека вне всяких политических условий...» - Базили воспринял как проявление ханжества со стороны правителя-деспота, который «уже полвека усердно заботился о своей славе, о своем могуществе, а не входил... нисколько в разбирательство о благосостоянии феллахов, с которых вовсе нефилософски высасывали пот и кровь для удовлетворения честолюбивых его видов» [Базили, 1962, с. 178].

Стереотипы восточного красноречия и восточной мудрости сформировались в условиях дефицита достоверной информации о социально-экономических аспектах жизни восточных обществ. Метафоры-аллегии, поэтические обороты, характерные для стиля не только восточных литературных произведений, но и посланий азиатских правителей, были наиболее яркими деталями незнакомой культуры, и на них акцентировалось внимание европейцев. У человека, овладевшего языком иносказаний и метафор, возникала иллюзия приобщения к чуждой ему культуре, что давало ему надежду на установление взаимопонимания с обитателями Востока. При этом из виду упускался сложный комплекс социально-политических особенностей деспотии. Увлечение внешней оболочкой восточной культуры не позволяло проникнуть в ее сердцевину, не могло сыграть решающей роли в успехе контактов России с Востоком.

Каким бы наивным ни казалось нам стремление россиян с помощью восточного красноречия добиться взаимопонимания с жителями азиатских государств, данная тенденция, сложившаяся в первой половине XIX столетия, весьма симптоматична. Соколов в своей записке сформулировал принцип, которому следовали многие российские представители на Востоке в тех случаях, когда местные традиции не противоречили их морально-этическим нормам: «Мы нашли приспособиться несколько к их предрассудкам» [АВПРИ, 1816 г., д.1, папка 11].

ГЛАВА 5. Государственное устройство и институт частной собственности восточных деспотий как научная и практическая проблема российского «ориентализма»

При Александре I образованная часть общества считала Россию просвещенной монархией, где государственная деятельность должна быть подчинена принципу «общего блага». В этих условиях произошло переосмысление взаимоотношений между подданными и государством, воплощением которого являлся император (см. [Лотман, 1995, с. 518; Жихарев, 1934, с. 38]).

Аналогичные традиции продолжали сохраняться и при Николае I. Когда в 1830 г. турецкая миссия была приглашена на бал-маскарад в Петербурге, то «Турки едва верили глазам своим, видя повелителя обширнейшей Империи в мире, весело расхаживающего между толпами масок, дающего место дамам»; отсутствие у Николая I телохранителей потрясло восточных дипломатов до глубины души [СП. 29.07.1830, № 90]. На фоне патриотического подъема, вызванного Отечественной войной 1812 г., такие обычаи формировали демократические тенденции в общественной жизни. Разумеется, эти тенденции были в известной степени поверхностными и не оказывали решающего воздействия на социально-экономические отношения. Тем не менее они способствовали выработке новых представлений о взаимоотношениях власти и подданных, закладывая фундамент реформ 1860-х годов. Данные факторы и обуславливали жесткую реакцию официальных представителей России в странах Азии на проявления восточного деспотизма.

В связи с этим необходимо упомянуть еще об одном аспекте данной проблемы. Для того чтобы человек мог осмыслить различия между деспотизмом и просвещенной монархией, ему требовался определенный уровень культуры, образованности, знаний. Как правило, официальными посланцами России на Востоке были люди дворянского сословия. Их представления о восточном деспотизме могла разделять часть читающей публики, например купцы, грамотные мещане и крестьяне.

Одним из важнейших факторов, определяющих практически все стороны бытия общества, являются отношения собственности. Именно отсутствие частной собственности на землю в восточных обществах мыслитель и путешественник XVII в. Ф.Бернье выделял как основную причину их отличий от государств Западной Европы (см. [Бернье, 1936, с. 206-207, 211])¹. К концу XVIII в. в западноевропейской общественной мысли сложилось представление о восточных обществах как о деспотиях, в которых верховным собственником земли и всех основных средств производства являлось государство, олицетворяемое верховным правителем. В формирование данной концепции, бесспорно, значительный вклад внесли Ш.- Л. Монтескье и Т.- Р. Мальтус.

В России к началу XIX в. не существовало оригинальных теоретических исследований о Востоке, сопоставимых с разработкой этой темы западноевропейскими мыслителями.

В связи с этим представления о собственности на Востоке формировались под воздействием двух основных факторов. С одной стороны, отечественные писатели воспринимали уже готовые теории, созданные к тому времени в западноевропейской общественной мысли, с другой не менее важную роль играли самостоятельные практические выводы, сделанные россиянами, посещавшими Азию в первой половине XIX в. Их контингент составляли: военнослужащие, которые вели боевые действия на территории Османской империи и Персии; чиновники, входившие в состав соответствующих миссий; путешественники, посещавшие Восток с исследовательскими или просто познавательными целями. Все эти категории людей бывали в Азии и в более ранние времена. Почему же в качестве нового этапа развития отечественной общественной мысли об Османской империи в данной работе выделяется именно XIX столетие?

Такой подход к исследованию проблемы определяется особенностями развития общественного сознания. В атмосфере первых десятилетий века – намечавшихся реформ Александра I, Отечественной войны – возникла мода на образованность. Россияне могли по-новому осмыслить собственную культуру.

Перемены в сознании людей происходили не только в среде интеллектуальной элиты. «Необыкновенные перевороты в политическом мире, воследовавшие в продолжение последних тридцати лет, порождавшие постепенно страх и надежду во всех сословиях общества, сделали людей любопытными, внимательными ко всем происшествиям и распространили вкус... к чтению» [Булгарин. III Отделение, 1998, с. 45], - писал в 1826 г. издатель «Северной пчелы». Все это не могло не сказаться на отношении россиян к Востоку. Многие из них, в том числе люди, весьма далекие от философии и академической науки, пытались по-своему осмыслить восточные общества, сформулировать, хотя бы в общем виде, их основные отличия от западноевропейских стран, определить место и роль России в системе отношений Запад-Восток. Категория собственности также попала в поле зрения этих людей.

Интерес отечественной читающей публики к проблеме частной собственности на Востоке усилился в 20 – 40-е годы в связи с обсуждением реформ Мухаммеда Али. Личность египетского паши привлекла к себе внимание российского общества. П.П.Семенов-Тянь-Шанский, вспоминая детство (начало 1840-х годов), писал о своих занятиях с учителем-немцем: «Читали мы также вместе немецкие газеты... и рассуждали с большим интересом о... событиях тогдашней войны египетского паши Мехмета-Али с союзниками – англичанами и французами, помогавшими туркам. Конечно, все симпатии наши были на стороне Мехмета-Али» [Семенов, 1917, с. 142].

В российской прессе постоянно перепечатывались заметки из зарубежных изданий, а также публиковались отечественные авторы, стремившиеся выявить причины неудач реформаторской деятельности паши.

О.И.Сенковский, осматривая египетские пирамиды в 1821 г., размышлял о восточном деспотизме: «Часто спрашивают: каковы должны быть люди, в уме которых родилась мысль воздвигнуть сии памятники? Какое Правительство в состоянии было выполнить столь обширный план?.. Нынешний Египетский Паша в шесть месяцев провел канал из Александрии в Нил длиною в 14 французских миль и в 144 фута ширины, с соразмерною

глубиною. Он приказал собрать для этой работы 300 000 арабов, из коих 17 500 человек погибло в канале от усталости, голода, непогоды и других неизбежных случаев. Таким же образом построены и пирамиды» [Сенковский. Посещение пирамид, с. 15].

Таким образом, в первой половине XIX в. формировалось новое видение восточных обществ – как особой социополитической и культурной категории, подчиняющейся в своем развитии совершенно иным принципам, нежели общество западноевропейское.

В отечественных сочинениях, затрагивающих вопросы политики и экономики, проблема частой собственности рассматривалась на теоретическом уровне. Несмотря на определенный интерес в России первых десятилетий XIX в. к политической экономии, оригинальные сочинения в этой области, анализирующие проблемы восточных обществ, очень редки. Китай был изучен лучше, но отечественные исследователи рассматривали его отдельно от других восточных обществ.

Наиболее глубокий анализ социально-политических особенностей деспотизма был предпринят М.М.Сперанским в записках, составленных в 1802-1809 гг., т.е. в период, когда он входил в число наиболее влиятельных деятелей из окружения Александра I. Выработка основных направлений и принципов реформирования российского общества требовала сопоставления государственного, общественного и экономического устройства России, стран Западной Европы и Востока. Несмотря на то что проект реформ остался в основном нереализованным, тем не менее при непосредственном участии Сперанского выработалась внешняя и внутренняя политика России, формировались воззрения монарха и его приближенных на политические реалии. Отметим, что Сперанский не рассматривал вопрос о социально-политическом устройстве восточных обществ специально, но анализ проблемы восточного деспотизма и попытки соотнести его с российской действительностью присутствуют в большей части его трудов.

Начальным пунктом размышлений реформатора является следующая

проблема: «Каким образом коренные законы государства сделать столько неподвижными и непрменяемыми, чтоб никакая власть преступить их не могла..?» [Сперанский, 1961, с. 28]. Он классифицирует различные формы государственного устройства в зависимости от принципов взаимоотношений между государственной властью и законом.

С точки зрения Сперанского, первоначальной формой правления был деспотизм. Его возникновение диктовалось необходимостью обеспечить в самом примитивном виде «сохранение личности, собственности и чести». В этом случае власть правителя не связана никакими законными ограничениями. Деспотическое правление, при котором государи выступают в качестве «отцов народов», патриархально и свойственно «народам грубым», необразованным (см. [там же, с.30-31]).

Постепенно общество начинает отделять свои интересы от интересов государства и, определив границы полномочий правнтельства, составляет «коренные законы» - конституцию. Так возникает ограниченная монархия или умеренная олигархия («умеренная аристократия») [там же, с. 31]. Понятие «монархическое правление» для Сперанского адекватно конституционной монархии. Неограниченная монархия – это «самовластие», т.е. деспотизм (см. [там же, с.45, 65]). Такая форма правления и есть то общее, что объединяет Россию и Восток.

В деспотическом государстве подданные лишены прав и находятся в рабстве. Россия, по мнению Сперанского, полностью соответствует данной характеристике: «...я нахожу в России два состояния: устройство России, сложившееся в XVIII в., Сперанский констатирует: «...законы наши писаны были в Афинах или в Англии, а образ управления занят в Турции» [там же, с. 140].

Османская империя – единственное конкретное государство Востока, названное Сперанским, – выступает в его записках в качестве отрицательного примера. Кроме того, он упоминает «восточные деспотические государства» как отдельное понятие (см. [там же, с. 78]).

В записке «Размышления о государственном устройстве империи» отмечаются следующие особенности деспотического государства: «в сем правлении законов быть не может»; «первая основа [народного] богатства есть право неотъемлемой собственности, а без законов она быть не может» [там же, с. 63]. Общество такого типа не может рассчитывать на прирост народного богатства: отсутствие гарантий собственности препятствует экономическому прогрессу. Не возможно улучшить положение народных масс, поскольку любые доходы которые могут появиться у низших сословий, немедленно поглощаются «роскошью класса высшего» [там же].

Несмотря на внешнее могущество деспотической власти, правитель, как правило, оказывается не в состоянии контролировать все сферы жизни общества, поэтому полномочия на управление государством передаются в руки нескольких вельмож. С точки зрения Сперанского, «мнимая простота сего управления повергнет все в замешательство, ибо действие произвола... предопределить невозможно, и власть самодержавная... затруднится более соображением частей, в рознь идущих, и наблюдением за злоупотреблениями и прихотями каждой, нежели когда бы сама она лично всем управляла. Таково есть управление посредством визирей, пашей и прочих чиновников во всех системах самовластных» [там же, с. 68].

Деспотизм накладывает отпечаток и на духовную жизнь народа. Просвещение народа несовместимо с самовластием, так как в перспективе может подорвать его основы. Движущей силой поступков людей в таком государстве становится корыстолюбие, поскольку благодаря богатству человек приобретает некоторую независимость от власти: «...корысть есть движущее начало всех деспотических правительств, и вот для чего в Турции... все важные дела решаются мешками секинов (цехинов), и никогда корыстолюбие столь сильно душами не обладает, как при неограниченном правлении» [там же, с. 61]. Общественное мнение не в состоянии оказывать никакого влияния на судьбу деспотического государства (см. [там же, с. 78-80]).

Будущее такого государства бесперспективно. Все реформы неограниченного монарха, как правило, сводятся лишь к усилению армии и

полицей, упорядочению сбора налогов и судебного делопроизводства (см. [там же, с. 48, примеч. 37]). Любые нововведения на поверку оказываются непрочными: они основаны не на «порядке вещей», а на личной воле монарха (см. [там же, с. 63]).

История любого деспотического государства заканчивается народными волнениями, в результате чего общество впадает в анархию. Государство «по естественному порядку течения политических пере. ворот должно неизбежно в самом основании организации своей потрястись и разрушиться. Падение сего огромного колосса не может быть не ужасно» [там же, с. 62-63, примеч. 7].

Существует ли выход из этой ситуации? Автор записок предлагает целую систему мер, которая позволит реформировать деспотическое общество. План реформ Сперанского подробно исследован в современной научной литературе, поэтому приводить его здесь нет необходимости.

Осмысление Сперанским проблем восточных обществ, в частности деспотизма, проходило в русле идей Монтескьё. Краеугольным камнем теории французского просветителя является тезис об отсутствии в восточных обществах частной собственности на землю и твердых гарантий собственности вообще (см. [Монтескьё, 1900, с. 66]), и Сперанский поставил вопрос о гарантировании частной собственности на землю для всех свободных сословий на первое место (его план предполагал постепенную отмену крепостного права).

Отождествление реформатором общественного развития России и Востока соответствовало представлениям Монтескьё, для которого Россия служила примером деспотического государства, переживающего эпоху реформ «сверху» (см. [там же]). Наконец, трактовка Сперанским понятия «монархия» как «монархия ограниченная» и представление о неизбежном самоуничтожении деспотического государства также полностью соответствуют концепции Монтескьё.

Однако не все его идеи Сперанский принимал. Так, в политической

концепции Монтескьё в качестве идеала выступают античные республики, и, несмотря на то что преимущества конституционной монархии перед деспотизмом очевидны для просветителя, именно республиканской форме правления он отдает наибольшее предпочтение. Сперанский, имея перед своими глазами пример французской революции, утверждал в 1804 г.: «Республиканец есть деспот, коего царство... кончится прежде натуральной его смерти» [Сперанский, 1961, с. 143]. Российский реформатор, давший определение республиканской форме правления как одной из форм деспотизма, на раннем этапе своей деятельности считал, что именно конституционная монархия должна выступать в качестве основного ориентира при выработке проекта реформ.

Выбор Сперанским Османской империи в качестве основного объекта рассмотрения при исследовании восточных обществ не случаен. Россия вела с ней длительные войны на протяжении всего XVIII в. Так, по воспоминаниям графини А.Д.Блудовой, детство которой пришлось на второе десятилетие XIX в., «война с турками ... казалась каким-то нормальным состоянием для России, как в древние времена война с татарами... которая прекращалась лишь перемириями... но не кончалась вечным миром, пока не была сокрушена их сила» [Блудова, 1889, с. 54]. Во время военных походов россияне впервые получили возможность увидеть восточную страну «изнутри», поэтому именно Османская империя для многих олицетворяла собой Восток в целом. Надо сказать, эти войны не исключали взаимного любопытства враждующих сторон (подробнее об этом см. [Шеремет, 1998]) и чисто человеческого сочувствия, например, россиян к поверженным туркам. Так, М.И.Кутузов (1745-1813), описывая в письме к дочери от 29 октября 1812 г. ужасные страдания отступающих французов, признавался: «Я часто плакал из-за турок, но... из-за французов не проливал ни одной слезы» [Кутузов, 1874, с. 371].

Для Монтескьё Турция и Персия в географическом смысле были в известной степени отвлеченными понятиями, служили скорее философской моделью для демонстрации недостатков деспотического образа правления, чем политической реальностью. Россия пребывала в постоянном контакте с Османской империей, поэтому Сперанский и канцлер А.Р.Воронцов (1741-

1805) (соавтор одной из записок) именно Турцию выбрали в качестве яркого примера деспотического государства.

Довольно сложно определить значение теоретических изысканий Сперанского для отечественной общественной мысли рассматриваемого периода: в то время его записки, по понятным причинам, не могли быть опубликованы. Следовательно, концепция деспотизма, разработанная реформатором, не оказала существенного влияния на взгляды его современников. Содержание записок Сперанского на протяжении правления Александра I оставалось известным лишь самому царю и узкому кругу высших государственных сановников. В то же время это были люди, которые определяли внешнюю и внутреннюю политику государства. Так что скорее всего деятельность Сперанского не прошла бесследно: его концепция формировала у Александра I и его приближенных отношение к Востоку.

В одном из писем, относящихся к 1819 г., министр финансов Канкрин заметил: «Для Турецкой войны требуются ужасные приготовления, для коих нужны годы, а бить турок не трудно...» [Божемянов, 1897, с.41]. Огромные средства, затраченные Россией на борьбу с Османской империей, вероятно, заставляли задумываться о причинах относительного могущества Турции и искать их во внутренних экономических факторах.

Терпимое отношение Канкрин к восточной деспотии объясняется также и тем, что Западная Европа середины XIX в. с ее экономическими кризисами и пролетаризацией значительной массы населения не вызывала у него стремления направить Россию по аналогичному пути развития. Абсолютистская монархия, «покровительствующая» торговлей промышленности, сдерживающая нежелательные социальные тенденции посредством консервирования существующих общественных отношений и поддержки обедневших слоев населения, но предпринимающая при этом некоторые нововведения, – таков идеал Канкрин, определяющий его отношение к восточным обществам (см. [там же, с. 150, 166-167]).

Аналогичные мотивы (извечное противостояние России «варварским народам», ее религиозная миссия) звучат в книге П.А.Вяземского «Письма русского ветерана 1812 года о Восточном вопросе». «Мы – православные, и этим словом сказано все...», - провозглашал поэт, при этом, уточняя, что «мы отнюдь не желаем обращать Турок в Православие посредством пушек». [Вяземский П. А.1881. С. 279, 284]

Ссылаясь на мнение, высказанное Луи Бонапартом (1808—1873) в 30-е годы, он намечал главное направление российской политики на Востоке: «Русское правительство, как бы оно ни желало избежать крайностей, волею и неволею, по самому ходу дел и в силу народного возбуждения, принуждено будет действовать. *Восток может дожидаться улучшений только от этого правительства* (т.е. Русского). Слова не наши: они принадлежат Наполеону III-му». [Там же. С. 283] При Александре II Вяземский занял пост товарища министра народного просвещения (1855—1858гг.), и его воззрения оказали влияние на официальную российскую идеологию.

Итак, к середине XIX в. у большей части отечественной читающей публики сформировалось представление о восточных обществах как об особом, чуждом Европе явлении, для которого характерны политический деспотизм и фактическое отсутствие частной собственности (в ее европейском понимании). Изменение представлений не могло не сказаться на ориентирах внешней политики России. Таким образом, первые десятилетия XIX в. российское правительство стремилось установить прочные дипломатические отношения по типу европейских с теми государствами Востока, которые не являлись традиционными соперниками России, как Османская империя и Персия, в отношениях с которыми Россией еще в XVIII столетии была найдена определенная форма взаимодействия, сочетавшая в себе дипломатические и военные методы решения принципиальных проблем. Провал российских миссий в Китае, Японии и Хиве, с одной стороны, подтверждал неприемлемость для России строить свои отношения с Востоком по европейским моделям, с другой – заставлял переосмысливать накопившуюся к тому времени информацию о Востоке, что в свою очередь приводило к изменению внешнеполитических концепций.

ГЛАВА 6. Проблема феодальных отношений и восточные общества

Для понимания представлений российских исследователей относительно восточных обществ необходимо напомнить о теоретической базе, на которой строились их рассуждения.

В конце XVIII в. термин «феодализм» применительно к Востоку употреблял немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер (1744-1803). Пытаясь Книга Гердера «Идеи К философии истории человечества», написанная в 1784 г., была переведена на французский язык только в 1827 г. и имела феноменальный успех в Европе (см. [Февр, 1991, с. 270, примеч. 94]). Два года спустя появился неполный русский перевод, который привлек внимание публики к имени философа. Воззрения Гердера приобрели особую актуальность в конце 20-х годов, когда в Париже были опубликованы знаменитые работы французского историка и государственного деятеля Франсуа Гизо (1787-1874) «История цивилизации в Европе» (1828) и «История цивилизации во Франции» (1829).

Гизо рассматривал феодализм как «совокупность средств политических, военных и юридических», характерных для общественного устройства средневековой Европы. В качестве отличительных признаков «феодальной системы» он называл преобладание частой собственности над общинной (см. [Гизо, 1892, с.64]), наследование феода (лена) [там же, с.68], существование взаимных правовых обязательств, которые регулировали отношения между сюзереном и вассалами и единственной «гарантией» которых являлась сила (см. [там же, с.71, 73]). Вывод об отсутствии феодализма на Востоке в трудах Гизо связан с определением понятия «цивилизация».

Тем не менее представление о возможности существования феодализма на Востоке имело место в западноевропейской общественной мысли. Известный немецкий медиевист Леопольд фон Ранке (1795-1886) – его работа «О Турецкой империи» вышла в свет в 1827 г. и была издана в России год спустя - считал, что в Османской империи существует «ленная система» (см.

[Ранке, 1828, с. 6]). Ленами он называл тимары. Шведский офицер Гейденштамм, статья которого о нововведениях в персидской армии была помещена в ноябре 1825 г. во французском издании «Nouvelles Annales des Voyages», писал о ленной системе в этом восточном государстве [там же, N2 3, с. 276].

В концепции восточного феодализма были противоречия. Например, фон Ранке, говоря о существовании ленной системы в Османской империи, тут же обращает внимание читателей на то, что лен (тимар) в Турции не наследуется. Историк утверждает, что «все турки – рабы, особенно знатнейшие... никто из них не имеет права защищаться в суде... деятельность каждого из них зависит от воли Султана» [Ранке, 1828, с. 18]. Это заставляло задуматься: правомерно ли вообще определять все эти отношения как ленную систему?

Рассматриваемые выше взгляды Гердера и фон Ранке звучали явным диссонансом на фоне соответствующих воззрений большинства западноевропейских мыслителей. В XVII-XVIII вв. благодаря трудам Бернье, Монтескье и Мальтуса были выявлены коренные различия в политическом и экономическом устройстве государств Европы и Азии. Тем не менее Гердер и фон Ранке продолжали описывать восточные общества в привычных им европейских терминах, что, вероятно, было обусловлено их уверенностью в существовании всеобщих принципов общественного развития. В то же время в связи с представлением об отсталости Востока от Европы в социально-экономическом отношении напрашивалось сравнение Азии XIX в. с Европой средневековья, что приводило исследователей к попыткам описать современные им восточные общества при помощи европейских понятий».

Так, анонимный французский автор, статья которого под названием «Об Арабах и Персах» была напечатана в «Северном Архиве» в переводе Ивана Бутовского, с иронией писал: «Единственная польза путешествовать в Персии состоит в том, что видишь вблизи деспотическое Правительство в том состоянии Наготы, которое можно принять точкою замерзания в политическом термометре и сличать с различными степенями, кои уже пройдены

Европейскими народами» [СА. 1827, ч.28, N214, с. 173] (переводчик указан [там же, N2 15, с. 286]).

Идеи Монтескьё, Смита, Гизо, Гердера были хорошо известны отечественной интеллектуальной элите первой половины XIX в., тем более что разработка проблематики, связанной с понятием «феодализм», началась в России еще во второй половине XVIII столетия «духовенство приобрело неограниченную власть и многие привилегии»; «ни в одном государстве не обращали внимание на промышленность» (см. [Албенский, 1827, с. 205-206]); в области социальных отношений «всякий владелец почитал себя самоуправным... Тиранствовал над своими вассалами и рабами» [там же, с. 216-217]. Таковы, пишет автор, «бедственные феодальные времена» в Европе [там же, с. 207]. Он практически не затрагивает отношений собственности, замечая, что «всякий крестьянин должен был думать о сохранении своей жизни, а не о приобретении выгод от , земли» [там же, с. 216].

В результате возникала искаженная картина феодального общества, поскольку в приведенной характеристике преобладали социально-политические аспекты Албенский применял некорректно, и то же можно сказать о многих исследователях того времени. Например, А.К.Шторх трактовал это понятие расширительно: используя его, он описывал в своем «Курсе политической экономии» и античное рабство, и крепостное право, и положение подданных восточных деспотий.

Исследования Христиана Августа Шлёцера и Александра Албенского интересны тем, что они увидели свет до выхода основных работ Франсуа Гизо, прочно утвердивших понятие «феодализм» в европейской исторической науке. Н.А.Полевой, автор шести томной «Истории русского народа», опубликованной в 1829 – 1833 гг., в известной мере испытал на себе влияние концепции Гизо. В отличие от Албенского Полевой понимал роль частной земельной собственности в жизни средневекового западноевропейского общества; от его внимания не ускользнул и порядок наследования феода (см. [Полевой, 1830, с.62, с.85, примеч. 76]). С его точки зрения, развитие Запада и Востока шло различными путями (под Востоком автор подразумевал

Византийскую империю). Различия определялись тем, что «монарх Востока был деспот, властвовавший над рабами» [там же, с. 26]. Русь, как и Византия, пребывала в постоянной борьбе с азиатскими народами (см. [там же, с. 35-36]), что наложило свой отпечаток на ее государственное и общественное устройство.

Полевой придерживался норманнской теории, считая, что элементы государственности были привнесены на Русь варягами-завоевателями. После возникновения государства «личные выгоды Князей, находя средства к изменению в патриархальном быте Славян, подкреплялись примером Греческого (византийского) и Азиатского деспотизма, изменяли Норманнскую (так в тексте!) феодальную систему правительства» [там же, с. 33-34].

В дальнейшем ход мыслей автора «Истории русского народа» становится весьма противоречивым. Европоцентризм вывел за рамки понятия «цивилизация» большую часть человечества, отечественные исследователи вряд ли могли разделять. Признание за Россией и странами Востока права называться цивилизациями приводило их к выводу, что эти государства должны развиваться по тому же пути, что и Западная Европа. Свою роль сыграло и здесь утверждение французского историка относительно того, что феодальный строй, который «все поглотил собою, всему сообщил свою окраску», это необходимый этап развития цивилизации (см. [Гизо, 1892, с. 62]). В своем труде Полевой стремился найти аналогии между социально-политическими институтами Руси и Западной Европы. «Сообразите историю феодализма (т.е. соотнесите историю России с историей феодализма) – обращался он к читателям, и вы изумитесь сходству ее с историей уделов Русских» [Полевой, 1830, с. 85, примеч. 76]. Глубинное сходство российской монархии с восточными деспотиями в этом случае отходило на второй план.

Рассмотрение всех отечественных теоретических исследований первой половины XIX в., затрагивающих проблемы феодализма, выходит за рамки данной работы. Анализ концепций Шлёцера, Карамзина, Албенского, Полевого позволяет проследить основные тенденции в развитии представлений о

феодализме в российской общественной мысли.

В первые десятилетия XIX в. российские историки еще не выработали четких градаций, которые позволили бы классифицировать то или иное общество как феодальное. Выход работ Гизо в конце 20-х годов стимулировал поиски отечественных исследователей в этом направлении, но проблема существования феодализма на Руси и на Востоке не получила однозначного разрешения. Такое положение дел давало значительную свободу тем исследователям, которые предпринимали попытки не только описать страны Востока, но и представить читателю теоритическую концепцию восточных обществ.

Деспотизм определяет жизненные ценности рядовых людей и их поведение. Любой полноправный член общества является, с одной стороны, рабом, так как подвергается угнетению представителей власти, а с другой - сам стремится стать деспотом по отношению к другим «гражданам»: «В Азии раб и деспот составляют единого человека» [там же, с. 37, 58]. У правителей и подданных отсутствуют представления об «общем благе», «общей пользе».

Политическое устройство Османской империи, такой автор, как Базили, также определял как «феодальное» (см. [там же, с. 105]). Например, на территории Сирии начиная с XVI в. паша (султанский наместник) никогда не вмешивался в вопросы местного управления, предоставляя их решение арабским «князьям (или «дворянам»), «кои на феодальном праве наследственно управляли округами» [там же, с.29]. Единственная проблема, волновавшая пашу, состояла в исправном получении податей с подвластной ему территории. Сбор этот организовывался и осуществлялся при помощи тех же сирийских «дворян». Базили считал, что аналогичная система применяется турками-османами и на европейских территориях, заселенных славянами и греками (см. [там же, с.36]). Характеризуя «феодальное устройство» Османской империи, Базили писал, что «под наружным блеском правительственного деспотизма господствовала по всему пространству империи совершенная анархия, а право, как государственное, так и частное, другой опоры не могло иметь, кроме материальной силы. Удалой бродяга делался самовластным правителем области»

[там же, с. 106]. Во время пребывания в Сирии и Палестине российскому дипломату приходилось сталкиваться с «тиранскими властями», «феодалными насилиями и бесчинствами» (см. [там же, с. 17]).

Решая проблему соотношения общественного устройства государств Европы и Азии, Базили исходит из представлений о существовании всеобщих закономерностей исторического развития. Он предполагает, что «много исторических предрассудков о средних веках будут разрушены до основания, если при исследовании событий западного мира от IX до XVI в. будем иметь в виду современный и частный быт племен Закавказья и Сирии» [там же, с. 293]. Разрушение «исторических предрассудков» приводит Базили к своеобразным выводам.

Необходимо отметить, что в целом Базили далек от какой-либо идеализации Востока. Свою дипломатическую деятельность в Османской империи он характеризует как пребывание «в хаосе самой безнравственной администрации, которая может существовать».

Воззрения Базили на проблемы исторического развития сформировались после выхода в свет основных работ Гизо, поэтому российский дипломат, определяя восточные общества как общества феодального типа, не мог обойти молчанием вопрос о наследовании земельных владений сирийскими «дворянами». В целом он воспринимает феодализм как необходимый этап развития Востока и Западной Европы.

Имея весьма приблизительные знания о европейском средневековье, исследователь перенес схему, разработанную Гизо, на Восток. Феодализм Османской империи, с точки зрения российского дипломата, характеризуется политической раздробленностью государства, пренебрежением к закону, господством кулачного права. Любое общество, обладающее данными признаками, может трактоваться как феодальное. Например, за «фасадом» на первый взгляд монолитной Османской империи скрывается фактическая независимость подвластных ей территорий, отсутствие вмешательства султанской власти в вопросы местного самоуправления.

Современный специалист-страновед наверняка обнаружит многочисленные неточности в рассуждениях отечественных исследователей того времени, в частности Базили. Однако их стремление разработать концептуальные основы изучения восточных обществ дает представление об уровне развития гуманитарных знаний в дореформенной России.

Публикации по проблеме феодализма, которая сегодня представляется сугубо теоретической, в 30-40-е годы XIX в. вызвали общественный интерес к Востоку у людей, столь различных по своему положению, не был праздным. Узнавая новое об Османской империи и других восточных странах, они стремились не только лучше изучить политического соперника или торгового партнера России, но и найти ответы на фундаментальные вопросы общественного развития своего государства.

ГЛАВА 7. Историко-философские основы ориенталистского дискурса во взаимоотношениях России и Азии

Определенная часть российской читающей публики не только серьезно интересовалась экономическими, политическими и культурными особенностями восточных обществ, но и осмысливала Восток как феномен в целом, стремясь определить место России в системе отношений Запад-Восток. Александр 1 и Николай 1, Чарторыйский (Чарторижский) и К.В. Нессельроде пытались выработать определенные принципы, которым Россия должна следовать, строя свои отношения с азиатскими государствами, и которые во многом отражали их политические и философские воззрения. Зачастую цели и задачи, ставившиеся перед российскими дипломатами, определялись на основе данных принципов. В связи с этим формирующиеся элементы историко-философского осмысления российско-азиатских отношений и внешнеполитические концепции необходимо рассматривать во взаимосвязи. Идеи об особой, просветительской миссии России в Азиатском регионе приобрели в первые десятилетия века некоторую популярность среди политической элиты.

Новый этап в формировании российских представлений о Востоке ознаменовали идеи Уварова. Провозглашая Восток единственным источником европейской культуры, он пришел к выводу о существовании всеобщих (свойственных и Европе, и Азии) принципов исторического и культурного развития (см. [Уваров, с. 31-32]). Современный этап развития человечества определялся тем, что «отныне система Европейских государств, заключающая их взаимные сношения, их публичное право, их общее просвещение, их всемирную торговлю, течет беспрепятственно на высшую степень образованности» [там же, с. 49].

При Александре 1 эти идеи оказали благотворное влияние на развитие отечественного востоковедения. Речь, произнесенная Уваровым при открытии кафедр восточных языков и изданная в виде отдельной брошюры, произвела сильное впечатление на слушателей и читателей. Н.И.Греч назвал эту речь

«ультралиберальной» [Греч, 1886, с. 289].

Параллели в общественном развитии России и Востока находили даже сами восточные «реформаторы». Так, по свидетельству Н.Н. Муравьева, лично беседовавшего с Мухаммедом Али и султаном Махмудом II (1784-1839), эти правители «охотно сравнивали себя с Великим Петром!» [Муравьев, 1869, с. 11, примеч.].

Близость России и Азии подчеркивали многие отечественные авторы. Их историко-философские рассуждения в первые десятилетия века строились на развитии или критике идей Н.М. Карамзина.

Проблему восточного влияния на Россию историк затронул в своей «Записке о древней и новой России...», представленной им на рассмотрение Александра I в 1811 г. Несмотря на то что весь текст записки в тот период не издавался, читающей публике было известно ее содержание, так как отдельные ее фрагменты появились в 1837 г. в «Современнике» (т. 5). Кроме того, она распространялась в списках.

По мнению Карамзина, Россия, «возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами... представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связью с монголами; византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами» [там же, с. 23].

Необычную роль в общественной жизни дореформенной России сыграл М.Л. Магицкий (1778-1855) - один из ближайших сподвижников М.М. Сперанского. После отставки российского реформатора в 1812 г. Магицкий был сослан в Вологду. Позднее, заручившись поддержкой министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына (1773-1844), а затем и А. А. Аракчеева, он вновь получил доступ к государственным должностям, но теперь его взгляды стали реакционными.

Определенный интерес для истории развития отечественной философской мысли о Востоке, представляет деятельность Магиицкого на посту попечителя Казанского учебного округа в 1819-1826 гг., ознаменовавшаяся навязыванием обскурантистских взглядов в преподавании общественных наук. Эти тенденции не обошли стороной и изучение восточных языков. В инструкции, составленной Магиицким для Казанского университета в 1820 г., указывалось, что изучение арабской философии и поэзии должно быть заключено в строгие рамки: «Всесие представит профессор с тем намерением, чтобы открыть слушателям своим, что в арабской мудрости нет ничего особенного, что она почерпнута от греков и есть не что иное, как философия Аристотеля, их воображением искаженная. Он вообще ограничится преподаванием языков арабского и персидского в том единственном отражении, в котором они по торговым и политическим связям для России могут быть полезны» (цит. по [Загоскин, т. 3, ч. 2-3, с. 352]).

Обрывочные сведения об арабском философе и враче Ибн Рушде (1126-1198), послужили для Магиицкого исходным пунктом его рассуждений. Так, президент Академии наук Уваров трактовал европейскую философию как своеобразное отражение основных идей восточной философии. А попечитель Казанского учебного округа склонен был видеть в «арабской мудрости» прежде всего заимствованные элементы, тем самым подчеркивая ее вторичность и неполноценность. Такая позиция объяснялась не только крайним религиозным фанатизмом Магиицкого (предлагавшего вообще упразднить преподавание философии в российских университетах), но и его стремлением любым способом опровергнуть идеи Уварова.

В царствование Николая I возникают и пессимистические оценки перспектив взаимодействия России и Турции, что способствовало формированию представлений о несхожести европейской и азиатской культур, о невозможности добиться контакта с азиатским миром.

Например в 1826 г. в «Сыне Отечества» появилась анонимная публикация, посвященная разбору книги А.И.Галича о проблемах эстетики «Опыт науки изящного». Галич, преподававший философию в Царскосельском

лице и разделявший многие воззрения Канта, попытался вывести общечеловеческие принципы восприятия прекрасного. Автор статьи, возражая Галичу, приводит в качестве контраргумента историю о посетившем европейский театр турецком вельможе, которому «показалась вздором европейская симфония, а рев скрипок и... духовых инструментов – при настройке оных очаровали слух сего турка» [СО. 1826, ч. 106, N2 6, С. 182]. Забавный анекдот позволил автору публикации сделать вывод о необходимости исключения Востока из системы европейской философии, европейских норм и представлений: «...в теории изящного не о каждом бы народе должно было говорить, а собственно о народах образованных, европейских, имеющих о красивом и об изящном общепонятные понятия» [там же, с. 183-184].

Е.Ф.Розен (автор либретто оперы Глинки «Жизнь за царя») в статье, опубликованной в пушкинском «Современнике», писал: «Вкус Магометанских народов странен и дурен, по единогласному мнению образованных наций... Поэзия этих народов... есть только оттиск их нравственной необразованности. Вкус Магометанского Востока – то же бусурманство, основанное на ложных понятиях и грубых чувствах» [Розен, 1836, с. 134].

Данные оценки затрагивали не только вопросы эстетики, но и принципы взаимоотношений России и Азии.

Основой для таких умозаключений служил опыт россиян (по тем или иным причинам побывавших на Востоке), накопленный ими еще в правление Александра I. Понимание глубочайших культурных различий между Европой и Азией приводило к переоценке перспектив российско-азиатских связей в целом.

Творчество П.Я.Чаадаева в наше время вызывает значительный интерес исследователей, и важнейшие аспекты его философских воззрений, в том числе его отношение к Востоку, неоднократно рассматривались в современной литературе. Поэтому нет необходимости подробно останавливаться здесь на анализе его идей. Следует напомнить лишь о главных положениях его

концепции.

Как писал философ в «Апологии сумасшедшего» (1837), историческое развитие Востока и Запада базируется на двух главных принципах. В основе цивилизации Востока лежит подчинение общества «духовному началу», для азиатской культуры свойственны самоуглубление и отрешенность от внешнего мира, в результате чего «общественная (государственная) власть» распоряжается «всеми благами земли». Автор разделяет представления о первичности азиатских форм культуры, когда пишет о том, что Восток «излил на землю потоки света из глубины своего уединенного созерцания» [Чаадаев, 1991, с. 148]. Однако роль Востока в истории исчерпана и будущее принадлежит Западу (Западной Европе) с его «всеобъемлющей деятельностью» и «всемогущим анализом». Философ отрицает наличие каких-либо глубинных взаимосвязей между Россией и Востоком: «...мы никогда не принадлежали к Востоку. У Востока своя история, не имеющая ничего общего с нашей» [там же, с. 150]. Развитие же России, как сказано в одном из «философических писем», идет по иному, тупиковому пути и по сути бесперспективно (см. [там же, с. 31-32]).

В «Философических письмах» Чаадаева исследователи отмечают прежде всего их дискуссионную направленность против славянофильских идей. Действительно, представление о принадлежности России к Востоку (Востоку христианскому) занимало важное место в системе взглядов славянофилов и в концепции Магницкого, предвосхитившей возникновение этих идей. Следует обратить внимание и на критику Чаадаевым представлений о культурной миссии России на Востоке. Свое мнение относительно неспособности России осуществить культурный синтез между Востоком и Западом он высказал не только в одном из «Философических писем», опубликованном в 1836 г., но и в частной переписке. Так, оспаривая утверждения французского философа-эклектика Т.-С. Жюффруа (1796-1847), Чаадаев писал Д.И. Тургеневу (1784-1845) в 1833 г.: «...Жюффруа сообщает нам, что наше предназначение – цивилизовать Азию. Прекрасно, но спросите его пожалуйста где те народы Азии, которые цивилизованы нами? Они (европейцы) упорно уступают нам Восток; по какому-то инстинкту

европейской национальности они оттесняют нас на Восток, чтобы не встречать нас больше на Западе» [там же, с. 374]. Слова Жуффруа служат иллюстрацией широкого распространения воззрений, аналогичных идеям Уварова, на проблему российско-азиатского взаимодействия средне читающей публики не только России, но и Западной Европы.

Проблема культурной миссии России обсуждалась не только на страницах философских работ, но и на светских раутах. В дневниках Пушкина сохранилось описание беседы поэта с английским дипломатом Д.Блаем во время бала в доме Д.П.Бутурлина. По свидетельству Пушкина (запись от 30 ноября 1833 г.), британский дипломат спрашивал его: «Долго ли вам распространяться? (мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным)]. Ваше место Азия; там совершите вы достойный подвиг сивилизации... etc». Ставя в конце многоточие, поэт, вероятно, подчеркивал стереотипность, банальность рассуждений Блая, повторявшего далеко не оригинальные мысли. В том же, 1833 г. Чаадаев вел активную работу над «Философическими письмами». Острие его критики было направлено против представлений о цивилизаторской, просветительской миссии России на Востоке.

Элементы философского осмысления взаимоотношений России и Азии проявляются и в работах Бестужева-Марлинского 30-х годов [Бестужев-Марлинский, т. 1, ч. 3, с.150]. Особое внимание Бестужёв-Марлинский уделял роли природного фактора в формировании феномена восточных обществ. Именно этим объясняется неуважение жителей Востока к собственности, непонимание ими европейских правовых норм.

Таким образом, в дореформенный период сформировалось два основных подхода к проблеме российско-азиатского взаимодействия. Первое направление было близко к официальной идеологии и ориентировалось на воззрения Уварова и Карамзина. Его сторонники исходили из представлений о существовании всеобщих принципов исторического развития. С их точки зрения, российская культура впитала в себя много азиатских черт (положительная или отрицательная оценка этого факта варьировалась в

зависимости от индивидуальных идейно-политических воззрений). Именно это, по их мнению, могло обеспечить успех просветительской миссии России на Востоке, которая должна была приобщить пребывающие в состоянии застоя восточные общества к достижениям западноевропейской цивилизации.

Сторонники второго направления были склонны видеть в Азии культурный феномен, для осмысления которого неприменимы европейские категории.

Александр I, воспитанный на идеях философии Просвещения [Чарторыйский, т. 1, с.91], стремился в своей политической деятельности претворить эти идеи в жизнь. К его первым попыткам определить нормы взаимоотношений с азиатскими государствами можно отнести «Секретную инструкцию [от 11 сентября 1804 г.] Новосильцову перед отравлением его в Англию» на переговоры с британским правительством, в которой монарх поручал дипломату выработать совместную с Великобританией линию поведения России в отношении Османской империи. С точки зрения императора, главной целью российской политики должно было стать пресечение наполеоновой экспансии и установление в Европе прочного мира (см. [там же, т.2, с.39]). Политическая ситуация в Европе во многом зависела от действий Османской империи. Александр I считал, что «ее слабость, анархический характер ее строя и все увеличивающееся недовольство ее христианских подданных» дают надежду на возможность распада этого государства и его дальнейшее переустройство с помощью европейских держав, которые руководствуются «благом человечества и принципами здоровой политики» [там же, с. 38-39]. Однако прямое нападение на Османскую империю противоречило политическим убеждениям Александра I. До тех пор пока она не встанет открыто на сторону Наполеона, главным в отношениях с ней должно стать «чувство лояльности, которому обе державы (Россия и Великобритания) захотят остаться верными, хотя бы и по отношению к государству, исключительно деспотическому» (в оригинале: *tyrannique*) [там же, с.39]. Монарх стремится к созданию единой системы норм международных отношений (см. [ВПР. Серия первая, т. 2, с. 148]) как для «просвещенных», цивилизованных европейских государств, так и для деспотической Османской

империи. Тем самым создавались и возможности для перенесения этих принципов на российско-азиатские отношения в целом.

Понимание Востока Александром I отражено, например, в следующем его высказывании по поводу европейских событий: добиться успеха в борьбе с Наполеоном можно только «сорвав... маску с недостойного правительства, прибегающего для своих целей поочередно то к деспотизму [despotisme], то к анархии, тщательно отделив его интересы от интересов угнетаемых его тиранией народов» [Чарторыйский, т. 2, с. 31]. В качестве главных черт бонапартизма выделялись те же, что служили для характеристики Османской империи, деспотизм и анархия. Философские концепции не были для Александра I оторванными от жизни, умозрительными схемами. Наоборот, как показывает текст инструкции Новосильцеву, он обращался к ним при разрешении конкретных политических вопросов.

Александр I в определенной степени продолжал политические традиции, заложенные Екатериной II. Императрица неоднократно проявляла стремление реализовать на практике философские принципы Просвещения (правда, эти намерения часто оставались зафиксированными только на бумаге).

Принципы, в соответствии с которыми Александр I намеревался строить свою европейскую политику, распространялись им и на отношения с азиатскими государствами. Привнесение императором моральных оценок (базирувавшихся уже не столько на идеях Монтескьё, сколько на христианском мистицизме) в трактовку политических проблем, его стремление к формированию общеевропейских политических норм уже отмечалось в современной научной литературе (см. [Jelavich, 1964, с.34; Grimsted, 1969, с. 46]). В инструкции Ермолову Александр I подчеркивал : «вся цель сношений Моих в Азии состоит токмо в том чтобы сохранился мир и водворилось спокойствие между народами, сопредельными в том краю с Российским владениями: ибо по сению мира и общего спокойствия Я надеюсь утвердить благостояние и распространить просвящение в землях лежащих за Кавкасом... [АВПРИ 1816 г., д. 1, папка 2, л. 49-49 об.] .

ГЛАВА 8. Российская внешнеполитическая концепция и Восток: истоки и основные направления

Представление о России как о посреднике между Востоком и Западом прочно укрепилось в сознании политической элиты в первые десятилетия века.

Согласно утверждению монарха, руководящим принципом российской внешней политики должно было стать стремление к формированию международного общественного мнения о том, «что преобладание России... обратится единственно к охранению общей безопасности и что не от нас возникнуть может вновь система общего и спровержения и разрушения, толь долго свирепствовавшая над Европою во времена Наполеонова владычества» [АВПРИ 1816 г., д. 1, папка 2, л. 41 об.].

Мессианские мотивы звучали и в инструкции Нессельроде российскому посланнику в Стамбуле Г.А.Строганову, составленной в 1816 г. До сведения последнего доводилось мнение императора о «моральных обязательствах» России по отношению к «христианским народам Востока» (см. [ВПР. Серия вторая, с. 189]). Россия должна была оказывать прямое покровительство христианским подданным Османской империи. При этом Строганову предписывалось обратить внимание противоположной стороны на следующий факт: «... чем больше будет турецкое правительство заботиться об уважении гражданских прав и религиозных привилегий христиан, находящихся под его верховной властью, -..., ем с большим основанием оно может надеяться привязать их к родной земле узами, которые порождает благополучие и безопасность» [там же]. Нессельроде отмечал, что теми же принципами российский монарх руководствовался и в европейской политике (см. [там же]).

Таким образом, в правление Александра I вырисовывалась новая внешнеполитическая концепция России в отношении Востока и Османской империи. Ее основой служило представление о существовании всеобщих принципов общественного развития, характерных как для Европы, так и для Азии. Предпосылкой успешного развития всех государств признавалась

безопасность их подданных – залог экономического процветания. Для обеспечения этой безопасности необходима была стабильность в политических отношениях между государствами, гарантировавшая неприкосновенность границ. Важную роль в этой концепции играли представления о просветительской миссии России на Востоке и связанные с этим ее претензии на покровительство христианским подданным Османской империи.

Вместе с тем концепция просветительской миссии не была лишена идиллических оттенков, вызванных эйфорией от победы над Наполеоном. Греч так охарактеризовал настроения в российском обществе того времени: «Низвержение преобладания Наполеонова произошло при восклицаниях: "Да здравствует независимость, свобода, благоденствие народов, владычество законов" Все ждали наступления какого-то Астреина века» [Греч, 1886, с. 324]. Судя по тексту инструкции Строганову, в 1816 г. Александр I не исключал возможности успешных преобразований в Османской империи и ее дальнейшее развитие в духе просвещенного абсолютизма.

Ермолов также был убежден, что просвещение могло бы способствовать коренному переустройству восточных обществ. Он писал в «Правилах поведения в отношении к Персии...» (1818): «Шах и вельможи, управляющие народом, боятся просвещения его: ибо весьма знают, что оно полагает пределы ненасытному властолюбию первого и смиряет жестокости последних. Духовенство не менее знает, что закон (шариат), заключающий в себе многие нелепости, не тверд устоять против просвещения...» [Ермолов, 1868, ч. 2, Прил., с. 57].

В деятельности правителей Османской империи и Персии намерение обеспечить всем своим подданным «благополучие и безопасность» явно не занимало приоритетного положения. Стремление к западному просвещению сводилось в этих государствах зачастую лишь к попыткам преобразования войск на европейский лад. Жесткая критика деспотизма, присутствовавшая в рапортах Ермолова Александру I, с одной стороны, демонстрировала несостоятельность многих положений внешнеполитической доктрины российского монарха, невозможность подхода с европейскими мерками к

азиатским государствам, с другой – оправдывала действия самого генерала, который принял решение не возвращать Персии уступленные ею территории. По вполне объективным причинам ситуация как в самой России, так и в ее взаимоотношениях с восточными и западными странами развивалась независимо от желаний и намерений Александра I (временами весьма благих). Однако для пересмотра сложившейся концепции и формирования новых идей, в частности для осмысления отрицательного опыта, накопленного в отношениях с государствами Востока, требовалось значительное время.

К эпохе Николая I сложился определенный стиль отношений с большинством пограничных азиатских государств. Они не всегда развивались гладко и, более того, часто были заведомо обречены на конфликтный путь. Это касалось; например, отношений России и Османской империи. События русско-турецкой войны 1828-1829 гг. многие современники даже считали началом принципиально нового этапа российской политики на Востоке. Казалось, император навсегда отошел от устоявшихся при Александре I принципов поддержки «легитимной» монархической власти (в том числе и власти султана) и от сотрудничества с европейскими государствами, прежде всего с Австрией, в рамках Священного Союза. По мнению Булгарина, этой «войны желали все сословия. Большая часть... дворянства, духовенство, купечество и народ помышляли об освобождении единоверцев греков и мечтали даже о водружении креста на Св. Софии. Действительно, ничто так не соответствует выгодам России, как бессилие, в котором находятся в настоящее время Турция и Персия» [там же]. Однако не меньшую опасность представляла и полная дезинтеграция этих государств.

Внешняя политика Николая I, ориентированная на стабильность международных отношений, во многом продолжала его «охранительную» внутреннюю политику. Любые значительные перемены во внешнем мире могли негативно сказаться на обстановке в самой России. В беседах с Дюгамелем Николай I признавался: «Я более всего опасюсь анархии в Персии, потому что такой порядок вещей непременно отразился бы на всем пространстве наших Закавказских провинций» [там же, № 6, с. 244]. Даже успехи Мухаммеда Али в борьбе с султаном взволновали монарха в связи с

усилением брожений среди крымских татар(см. [Муравьев, стлб. 747]).

В наиболее общем виде «охранительные» тенденции проявились в депеше Нессельроде, направленной российскому посланнику в Лондоне графу К.О. Поццо-ди-Борго осенью 1838 г. По мнению министра иностранных дел, политическая «система», которой России и Великобритании следовало бы придерживаться в среднеазиатском и центральноазиатском регионах, «должна иметь в виду одну цель поддержать внутреннее спокойствие в самом центре Азии и предохранить эту обширную часть света от повсеместного кровопролития. А чтоб предотвратить такое несчастье, необходимо тщательно охранять спокойствие тех стран, которые отделяют Русские владения от Великобританских» (цит. по[Дюгамель, 1885, № 6, с. 100]).

В последующие годы воззрения политической элиты претерпели трансформацию. С начала 40-х годов «охранительные» тенденции в российской дипломатии постепенно сменяются политикой с позиции силы. Что, в конечном итоге привело к тому, что правление Николая I завершилось политической и военной катастрофой Крымской войны.

Интерес в данном случае представляют прежде всего те изменения в воззрениях политической элиты которые могли способствовать отказу от политики «умиротворения», невмешательства во внутренние дела азиатских государств. Еще в конце 80-х годов XVIII в. симбирский и уфимский губернатор О.М. Игельстром высылал в степи шпионов с заданием перехватывать письма из Османской империи в Бухару, а также арестовывать турецких и бухарских мулл, подбивавших «простодушных Русских Магометан» к бунту (см. [Мертваго, 1867, стлб. 43-44]).

Переход к политике с позиции силы в отношении азиатских государств был поставлен на повестку дня. В том же, 1840 г. между Россией, Великобританией и Австрией была заключена Лондонская конвенция, провозгласившая принцип коллективной помощи Османской империи в случае угрозы ее безопасности со стороны Мухаммеда Али, и, как следствие, состоялась англо-австрийская военная экспедиция, очистившая побережье Си-

рии от египетских войск (см., например [Восточный вопрос, 1978, с. 111-113]). В результате Мухаммед Али был вынужден отказаться от грандиозных планов создания новой империи, сохранив под своим контролем только Египет и Судан.

В течение 1840-х годов в российском обществе продолжает усиливаться разочарование в деятельности восточных правителей-реформаторов. Ломаются многие стереотипы, например представления о легкости сухопутной торговли с Востоком. Постепенно приходит понимание восточных обществ как феномена к которому неприменимы европейские категории мышления. Все это, разумеется, отразилось на воззрениях политической элиты. В условиях, когда не оправдались надежды ни на воздействие «просвещения» на азиатский деспотизм, ни на сохранение «спокойствия» в Азиатском регионе, когда становится понятной необходимость переориентации внешней политики на активные действия, происходит трансформация прежних политических концепций.

Александр I писал об особых «моральных обязательствах» России по отношению к христианским подданным Османской империи, не исключая при этом возможности, что со временем турецкие властители станут по примеру европейских государств уважать «гражданские права» своих подданных. К концу эпохи Николая I бессмысленность поиска аналогий в области общественного развития между европейскими и азиатскими государствами. Благодаря опыту, накопленному в ходе российско-азиатских контактов, формируется представление об уникальности восточных обществ. Это обуславливает новый внешнеполитический курс, когда главным фактором российского влияния на Востоке признается не «просвещение» и экономическое проникновение способствующее взаимному росту «благополучия», а силовое давление на азиатские деспотии (которое правда не исключало и первых двух факторов). Несмотря на катастрофу, постигшую Россию в Крымской войне, в царствование Александра II (и в целом в пореформенный период) сохраняется стремление к проведению активной наступательной политики в Азии выразившейся в «покорении» Кавказа и среднеазиатских государств, присоединении новых территории на дальнем

Востоке, коренном изменении характера отношений с Китаем и Японией, разгроме Османской империи в войне 1877-1878 гг.

Заключение

Вследствие активизации внешней политики в первые годы правления Александра I в российском обществе возникли надежды на оживление экономических связей с азиатскими государствами, поэтому Восток привлекал к себе все большее внимание россиян. Помимо этих факторов на процесс осмысления Востока в начале XIX в. значительное влияние оказали изменения общественной обстановки в России. В атмосфере намечавшихся реформ, когда принципиальная необходимость коренных преобразований декларировалась не только в неизданных записках М.М.Сперанского, но и в сочинениях И.П.Пнина, К-Гереншванда, у российской политической элиты и части отечественной читающей публики сформировалось видение России как просвещенной монархии, где государственная деятельность подчинена принципу общего блага. В связи с этим осмысление восточных обществ зачастую происходило под влиянием западноевропейской историко-философской мысли (в частности, под влиянием идей Монтескье).

Многие российские авторы, рассуждавшие о Востоке, были склонны идеализировать порядки крепостнической России. Тем не менее представление о просвещенной монархии как о политическом идеале играло существенную роль в воззрениях отечественной читающей публики, во многом предопределяя ее отношение к Востоку. Восточный деспотизм воспринимался как антитеза просвещенной монархии, поэтому надежды на преобразования в деспотических государствах связывались с воздействием европейского «просвещения».

Особенности социально-политического и экономического устройства восточных обществ, их культурное своеобразие интересовали россиян не в качестве объектов экзотической игры ума, а как насущные проблемы, плотно переплетенные с вопросами, стоявшими перед всем российским обществом. Какие политические шаги должна предпринимать Россия в Азиатском регионе, каковы перспективы развития ее внешнеэкономических связей, наконец, каковы должны быть ориентиры ее внутривосточного развития – получить

ответы на эти и многие другие вопросы можно было только исходя из всеобъемлющего изучения восточных обществ, их природы, географии, населения, истории, культуры и государственно-политического устройства.

Библиография

- Аббасов, 1979 - *Аббасов т.М.* Восточная тематика в журнале «Московский Телеграф» Н.А.Полевого. Канд. дис. ... Баку, 1979.
- Августин - *Августин Блаженный.* О граде Божиим. Киев, 1906 т. 1. М., 1994.
- Авпри - Архив внешней политики Российской империи, ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив, разр. 1-7, оп. 6 (1775-1895 гг.)
- Албенский, 1827 - О состоянии России и современных государств Европы. Соч. Александра Албенского. - СА 1827, ч. 25, № 3.
- Александр I – *Великий князь Николай Михайлович.* Переписка Императора Александра I с сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910 (Экспедиция заготовления государственных бумаг).
- Арсеньев, 1816 - *Арсеньев А.* О российской торговле: Президенту Коммерц-коллегии в 1798 году. - Дух Журналов. 1816, ч. XII, кн. 24.
- Базили, 1836 - Босфор и новые очерки Константинополя. Соч. Константина Базили. Ч. 1. СПб., 1836.
- Базили, 1962 - *Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 1962.
- Бартольд, т. IV - *Бартольд В.В.* «Азиатская роскошь». - *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. IV. М., 1966.
- Бартольд, 1911 - *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и в России: Лекции, читанные в Имп. С.-Петербургском университете. СПб., 1911; *Бартольд В.В.* Сочинения. т. IX. М., 1977.
- Белкин, 1990 - *Белкин Д.И.* Зарождение демократического направления в русской литературе и публицистике о Востоке в XVIII - первой четверти XIX столетия. - ИОВ, гл. 8.
- Белкин, 1991 - *Белкин Д.И.* Мир Востока на страницах пушкинского «Современника». - Творчество Пушкина и зарубежный Восток: Сб. статей. М., 1991.
- Бестужев-Марлинский - Второе полное собрание сочинений А.Марлинского., 4-е изд. СПб., 1847:
- Т. 1, ч. 3. Письмо к доктору Эрману.

Т. II, ч. 4. Военный антикварий: Из Арзерума, 1829 года в октябре.

Т. II, ч. 6. Поездка в Ревель: Письмо пятое, с. 35-65.

Т. III, ч. 9. Мулла-Нур: Быль.

Т. IV, ч. 10. Путь до города Кубы.

Т. IV, ч. 11. О романе Н. Полевого «Клятва при Гробе Господнем».

Библиотека для Чтения. Ред. (до 1856 г.) О.И. Сенковский. СПб., 1834-1865.

Блудова, 1889 - Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой (писаны в 1867 году). - РА 1889, кн. 1, № 1.

Блюмин, 1940 - *Блюмин И.Г.* Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М.-Л., 1940.

Божерянов, 1897 - *Божерянов ия.* Граф Егор Францевич Канкрин: 1774-1845. СПб., 1897.

Булгарин, 1822 - *Ф.Б.* Разбор книги под заглавием: Пугешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах Гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. - СА. 1822, ч. 2, N2 11, 12; ч. 3, N2 13.

Булгарин, 1826 - *Ф.Б.* [Рец. на:] Пугешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 [году] полковника барона Мейендорфа. - СА 1826, ч.22, N21415.

Булгарин, 1830 - *Булгарин Ф.В.* Картина войны России с Турциею в царствование императора Николая 1. - *Булгарин Ф.В.. Бутурлин Д.П.* Картина войн России с Турциею. Ч. 3. СПб., 1830.

Булгарин, 1841 - *Ф.Б.* Русские письма о торговле и [о] фабричной и мануфактурной промышленности: Письмо Н. - Эконом. СПб., 1841, тетр. 2.

Булгарин. Т. 5-7 - Полное собрание сочинений Фаддея Булгарина: Новое, сжатое (компактное) издание, исправленное и умноженное. [В 7 томах]. СПб., 1839-1844.

Булгарин. Янычар - *Булгарин Ф.В.* Янычар, или Жертва междоусобия. Булгарин. Т. 5.

Булгарин. Лит. гостиная - *Булгарин Ф.В.* Хладнокровное пугешествие по гостиням: (Литературная гостиная). - Булгарин. Т. 6.

Булгарин. Милость - *Булгарин Ф.В.* Милость и правосудие: (Восточная повесть). - Там же.

Булгарин. Раздел наследства - *Булгарин Ф.В.* Раздел наследства: Восточная повесть. - Там же.

Булгарин. Фонтан - *Булгарин Ф.В.* Фонтан милости: (Восточный аполог). Там же.

Булгарин. Человек - *Булгарин Ф.В.* Человек и мысль: (Восточный аполог). Там же.

Булгарин. Поездка - *Булгарин Ф.В.* Поездка из Лифляндии в Самогитию чрез Курляндию летом 1829 года: (Письмо к Гречу). - Булгарин. Т. 7.

Булгарин. Реляции - *Булгарин Ф.В.* Реляции: (Сцена из домашней жизни. Действие в деревне, в дальнем расстоянии от губернского города). - Там же.

Булгарин. Солдат - *Булгарин Ф.В.* Отставной солдат. - Там же. Булгарин. III отделение - Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки

Ф.В.Булгарина в III отделение. Публ., сост., предисл. и коммент. А.И.Рейт блата. М., 1998.

Булгарин и Греч, 1900 - Ф.в.Булгарин и Н.И.Греч (как издатели журналов). - Рс. 1900, т. 103, кн. 9, июль-август-сентябрь.

Восточный вопрос, 1978 - Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII - начало XX в.). М., 1978.

ВЕ - Вестник Европы. М., 1802-1830.

ВИ - Восточные Известия. Изд.-ред. И.А. фон Вейсггопфен. Астрахань, 1813-1816 (еженед. газ.).

Впр - Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы Министерства Иностранных Дел. М., 1960, 1961, 1974:

Салтыков, 1849 - Путешествие в Персию: Письма кн. А.Д.Салтыкова. М., 1849.

Свирин, 1935 - *Свирин Н.* Пушкин и Восток. - Знамя. М., 1935, кн. 4, апрель.

Семенов, 1917 - *Семенов-Тянь-Шанский П.Л.* Мемуары. Т. 1. Пг., 1917.

Сенковский, 1826 - Посольство Дервиша-МухаммеД-Эффендия в Россию в 1163 году эгиры [хиджры] (т.е. 1755 после Р.х.). [Пер. с тур. яз. Сенковского]. - СА 1826, ч. 19, № 21.

Сенковский, 1827 - Письмо Тютюнджу-Оглу-МустафЫ-Аги, настоящего турецкого философа, к одиому из издателей «Северной Пчелы». - СП. 1827, № 129-133.

Сенковский, 1858 - Собрание сочинений Сенковского (Барона Бармбеуса). Т. 1. СПб., 1858.

Сенковский. Посещение пирамид в 1821 году. - Сенковский, 1858. Сирия, 1991

- Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М., 1991.

Смит, 1962 - *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

Соловьев - *Соловьев см.* Император Александр 1: Политика, дипломатия. М., 1995.

Сперанский, 1869 - Письма Сперанского к его дочери из Сибири. - РА. Год шестой [1868]. 1869.

Сперанский, 1961 - *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.-А, 1961.

СА - Северный Архив, журнал истории, статистики и путешествий, издаваемый Ф.Булгариным (с 1825 г. др. подзагол.: журнал древностей и новостей по части истории, статистики, путешествий, правопедения и нравов, издаваемый Фаддеем Булгариным и Николаем Гречем). СПб., 1822-1828.

СО - Сын Отечества, журнал литературы, политики и современной истории, издаваемый Николаем Гречем и Фаддеем Булгариным. СПб., 1825-1828.

Современник. СПб., 1836-1866.

СОиСА - Сын Отечества и Северный Архив, журнал литературы, политики и современной истории, издаваемый Николаем Гречем и Фаддеем Булгариным. СПб., 1829-1833.

СП - Северная Пчела. Газета политическая и литературная. [Изд.- ред. Ф.В.Булгарин (с 1831 г. совместно с Н.И.Гречем)]. СПб., 1825-1864.

Тифлиские Ведомости. Ред. П.С.Санковский. Тифлис, 1828-1829 (еженед.), 1830-1831 (два раза в неделю).

Серия первая. 1801-1815 гг. Т. 1. Март 1801 г. - апрель 1804 г.; т.2. Апрель 1804 г. - декабрь 1805 г. Серия вторая. 1815-1830 гг. Т. 1(9). Ноябрь 1815 г. - сентябрь 1817 г.

Вульф, 1916 - Дневник АН.Вульфа: 1828-1831 гг. - Пушкин и современники: Материалы и исследования. Т. 6, вып. XXI-XXII. Пг., 1916.

Вяземский, 1881 - *Вяземский П.А.* Письма русского ветерана 1812 года о Восточном вопросе: Письмо третье (январь 1854 г.). - Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Т. VI. СПб., 1881.

Гаджиев, 1973 - *Гаджиев А.Дж.* «Путешествие в Арзрум» А.С.Пушкина и русская очерковая проза второй половины 20-х-30-х годов XIX века. Канд. дис. ... М., 1973.

- Гаджиев, 1991 - *Гаджиев А. Дж.* Ориентальная антропонимика в творчестве Пушкина и его современников. - Творчество Пушкина и зарубежный Восток: Сб. статей. М., 1991.
- Гердер, 1977 - *Гердер И.-Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
- Гизо, 1892 - *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. СПб., 1892.
- Греч, 1825 - *Н.Г.* Обзорение происшествий 1824 года. - СО. 1825, ч.99, № 1, 2.
- Греч, 1886 - Записки Н.И.Греча: О моей жизни. СПб., 1886.
- Грибоедов, 1988 - *Грибоедов А.С* Сочинения. М., 1988.
- Григорьев, 1840 - Об отношении России к Востоку: Речь, произнесенная исправляющим должность профессора В.Г. Григорьевым. Одесса, 1840.
- Данциг, 1973 - *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973.
- Дюгамель, 1885 - *Дюгамель А.О.* Автобиография. - РА 1885, кн. 2, № 5, 6.
- Дух Журналов - Дух Журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч. Изд. Г.Мяценко. СПб., 1815--1818 (еженед.), 1819-1820 (два раза в месяц).
- Ениколопов, 1975 - *Ениколопов [Энаколопашвили] И.К* Пушкин в Грузии и под Эрзерумом. Тб., 1975.
- Ермолов, 1868 - Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. 2. М., 1868.
- Ермолов, 1991 - Записки АЛ. Ермолова: 1798-1826. М., 1991.
- Жуковский, 1985 - Зарубежная поэзия в переводах В.А.Жуковского. Т.1. М.,1985.
- Загоскин - *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования: 1804-1904. т. 2-3. Казань, 1902-1903.
- Зубов, 1829 - Общее обозрение торговли с Азией: (Из бумаг покойного графа Валериана Александровича Зубова 1801 года). - СОиСА 1829, т. VI, № 35.
- ИОВ - История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.,1990
- История 19 в. - История XIX века. Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. т. 2. М., 1937.
- История рус. экон. мысли, 1958 - История русской экономической мысли. Т. 1. Эпоха феодализма. Часть вторая. 1800-1861. М., 1958.
- Канкрин, 1846 - Экономия человеческих обществ и состояние финансов.

Сочинение бывшего министра финансов [графа Е.Ф.Канкрин]. - Библиотека для чтения. 1846, т. 75, отд. IV, № 3-4 сл.

Канкрин, 1894 - Граф Канкрин и его очерки политической экономии и финансии. СПб., 1894.

Карамзин - *Карамзин Н.М.* История Государства Российского: Репринтное воспроизведение изд. 1842-1844 годов. Книга первая, Т. I-IV; книга вторая, т. V-VIII. М., 1988-1989.

Карамзин, 1991 - *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

Киреевский, 1998 - *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. - *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. М., 1998.

Ки - Казанские Известия. [Газ. изд. при Имп. Казанском ун-те]. Казань, 1811-1814 (еженед.), 1815-1820 (два раза в неделю).

Коммерческая Газета. СПб., 1803-1860 (с 1861 по 1879 г. «Биржевые ведомости»).

Клемент, 1823 - *Клемент Н.М.* Записки русского Офицера о плавании в Средиземном море и пребывании в плену у албанцев и турок. - СА. 1823, ч. 7, № 17, 18.

Ковалевский О., 1837 - О знакомстве Европейцев с Азией: Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского Университета в 8-й день августа 1837 года ординарным профессором Осипом Ковалевским. Казань, 1837.

Конрад, 1966 - *Конрад Н.И.* Запад и Восток: Статьи. М., 1966; 2-е изд. 1972

Корнилович, 1957 - *Корнилович А.О.* Сочинения и письма. М., 1957.

КС - Кавказский Сборник, издаваемый с Высочайшего соизволения по указанию Великого князя Михаила Николаевича в бытность Его Императорского Высочества главнокомандующим Кавказскою армиею. Под ред. генерал-майора Потто. т. 21-22. Тифлис, 1900-1901.

Кутузов, 1874 - Князь *М.И.Голенищев-Кутузов-Смоленский.* Письма к его дочери графине Е.М.Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово: 1803-1813. - Рс. 1874, ч. 10, кн. 6 (июнь).

Лобикова, 1974 - *Лобикова Н.М.* Пушкин и Восток. М., 1974.

- Лотман, 1994 - *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). СПб., 1994.
- Лотман, 1995 - *Лотман Ю.М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки:1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995.
- Магницкий, 1832а - *Простодумов М.* Письмо к издателю: Отломок от философского мозаика степного отшельника. - Радуга. 1832, кн. 2.
- Магницкий, 1833а - Суждение католика о русской церкви. - Там же. 1833.
- Магницкий, 1833 - Судьба России. - Там же, кн. 6-8.
- Малето, 1997 - *Малето Е.И.* Зарубежный Восток в восприятии русских путешественников XII-XV вв. (по материалам хождений). - Россия и внешний мир: диалог культур. Сб. статей. М., 1997.
- Мартенс, 1874 - *Мартенс Ф.Ф.* Брюссельская международная конференция 1874 г. - Сборник Государственных Знаний под ред. В.П.Безобразова. Т. 1. СПб., 1874.
- Мейендорф, 1824 - Отрывок из «Путешествия В Бухарию полковника барона Мейендорфа в 1820 и 1821 годах». - СА 1824, ч. 9, № 1, 2, 3.
- Мейендорф, 1826а - *Мейендорф Е.К.* Статистический взгляд на Бухарию. СА 1826, ч. 23, № 19-20.
- Мейендорф, 1826 - Нравственное состояние Бухарии [отрывок из «Путешествия из Оренбурга в Бухару»] - СА 1826, ч. 24, № 23-24.
- Мейендорф, 1975 - *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. [Пер. с франц.]. М., 1975.
- Мертваго, 1867 - Записки Дмитрия Борисовича Мертваго: 1760-1824. - РА. 1867, № 8-9.
- Местр, 1995 - *Местр Ж. де.* Петербургские письма: 1803-1817. Сост., пер. и предисл. Д.В.Соловьева. СПб., 1995.
- Минтуоли, 1826 - Посещение двух гаремов: (Из «Воспоминаний О Египте», соч. баронессы Минтуоли, урожд. графини Шуленбург). - СП. 18.12.1826, № 151.
- Московские Ведомости. [Газ. осн. Моск. ун-том]. М., 1756-1917.
- Мт - Московский Телеграф, журнал литературы, критики, наук и художеств, издаваемый Н. Полевым. М., 1825-1834.
- Моитескьё, 1900 - *Монтескьё Шарль Луи де.* О духе законов, или Об отноше-

ниях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, к климату, религии, торговле и Т.д.; к чему автор прибавил новые исследования о законах римских, касающихся наследования, о законах французских и о законах феодальных. СПб., 1900.

Мордвинов, 1902 - Архив графов Мордвиновых. Предисл. и примеч. В.А.Бильбасова. Т. 5. СПб., 1902. I

Мордвинов - Мнение адмирала Мордвинова о способах, коими России удобнее привязать к себе постепенно кавказских жителей. [Б.г., б.м.] (изд. хранится в Рос. гос. б-ке).

Муравьев А, 1832 - *Муравьев А.Н.* Путешествие ко Святым местам в 1830 году. Ч. 1. СПб., 1832.

Муравьев - Из записок генерал-адъютанта Николая Николаевича Муравьева (Карского). – РА. Год шестой [1868]. 1869.

Муравьев, 1869 - *Муравьев Н.Н.* Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т.1. М., 1869.

Мурадова, 1990 - *Мурадова Ф.Р.* Восточная тематика в литературных альманахах 20-30 годов XIX века. Канд. дис. ... Баку, 1990.

Никитенко, 1828 - *Никитенков А.В.* О политической экономии вообще и в особенности о производительности, как главном предмете оной. СПб., 1828.

Никитенко, 1893 - Никитенко А.В. Записки и дневник (1826-1877). Т.1-2. СПб., 1893.

Никифоров, 1975 - *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. М., 1975.

Николай 1 - Император Николай 1 и освобождение христианского Востока. Сообщил Н.К. Шильдер. - РС. 1892, т. 76, октябрь.

Новикова, Сиземская, 1993 - *Новикова А.И., Сиземская И.Н.* Введение.

Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993.

Овсянников, 1990 - *Овсянников В.И.* Восток в общественно-политической мысли России (середина XIX века): Научно-аналитический обзор. М., 1990.

Ознобишин, 1826 - *Делибюрадер.* О духе поэзии Восточных народов и рассмотрение статьи «Московского Телеграфа» под заглавием «Новейшие исследования и сочинения касательно Восточной литературы [и древностей]». - СО. 1826, ч. 106, № 5, 6, 7, 8.

Петров, 1993б - *Петров А.М.* Россия - Восток: исторический опыт взаимодействия экономических интересов. - Россия во внешнеэкономических от-

ношениях: уроки истории и современность. Материалы к конференции. М., 1993.

Порошин, 1881 - Семена Порошина записки, служащие к истории Его Императорского Высочества, благоверного Государя Уесаревича и Великого Князя Павла Петровича. 2-е изд. СПб., 1881.

Пушкин Ан., 1826 - *Пушкин Ан.* Взгляд на военное состояние Турецкой Империи. - СО. 1826, ч. 107, № 9, 10, 11.

ОЗ - Отечественные Записки, издаваемые Павлом Свиньиным. [Ежемес. журн.]. СПб., 1818-1830 (в 1818 и 1819 гг. вышло два сборника под этим названием).

РА - Русский Архив. [Ежемес. ист. журн., осн. П.И.Бартеневым и публ. материалы по отеч. истории XVIII-XIX вв.]. М., 1863-1917.

Раджицкий, 1829 - *Раджицкий И.Л.* Письмо из Арзрума. - СП. 9 и 12.11.1829, № 135 и 136.

Радуга - Радуга, журнал философии, педагогики и изящной литературы с присовокуплением Ост-Зейских записок. Ред. М.Л.Магницкий. Изд. А.Бюргер. Ревель, 1832-1833.

РС - Русская Старина. [Ежемес. ист. журн., осн. М.И.Семевским и публ. материалы по отеч. истории и культуре XVIII-XIX вв.]. СПб., 1870-1918.

Ранке, 1828 - О Турецкой империи: Историко-политическое рассуждение Леопольда Ранке. - Новейшие исторические, политические, статистические и географические известия о Турецкой Империи, заимствованные из достовернейших путешествий и исследований исторических, с приложением известий о нравах и обычаях, изложенных в виде повестей, анекдотов и разговоров. Ч. 2. М., 1828.

Рашков, 1826 - *Рашков Н.* Образ войны Англичан в Восточной Индии. - СА. 1826, ч. 19, № 2.

Рашковский, Хорос, 1988 - *Рашковский Е.Б., Хорос В.Г.* Проблема «Запад Россия-Восток» В философском наследии П.Я.Чаадаева. - Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988.

Рязановский, 1997 - *Рязановский Н.В.* Азия глазами русских. [Пер. сангл.]. В раздумьях о России (XIX век). М., 1997.

Тартаковская, 1991 - *Тартаковская АА.* «Путешествие в Арзрум»: художественное исследование Востока. - Творчество Пушкина и зарубежный Восток.

М., 1991.

Тартаковский, 1991 - *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII - пер вой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991.

Уваров, 1811 - Мысли о заведении в России Академии Азиатской. - ВЕ. 1811, ч. 55, № 1.

Уваров, 1818 - Речь президента Императорской Академии Наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного Педагогического Института 22 марта 1818 года. СПб., 1818.

Февр, 1991 - *Февр А.* Цивилизация: эволюция слова и группы идей. *Февр А.* Бои за историю. М., 1991.

Френ, 1826 - Восточные известия о Руссах (Выбранные г-ном Н. из соч. г-на Френа). - СА 1826, ч. 22, № 14-15.

Чаадаев, 1991 - *Чаадаев п.я.* Избранные сочинения и письма. М., 1991.

Чарторыйский - Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1-2. М., 1912-1913.

Частная собств. на Востоке, 1998 - Частная собственность на Востоке: Сб. статей. М., 1998.

Шеремет, 1998 - *Шеремет В.* «Мужикистан» и «Туретчина». - Родина. М., 1998, № 5-6.

Шторх, 1881 - *Шторх А.К.* Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. [Пер. с франц.]. СПб., 1881.

Эйдельман, 1990 - *Эйдельман Н.Я.* Быть может за хребтом Кавказа: (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М., 1990.

Эрдман, 1828 - О походе Руссов против Берды. Соч. пере. поэта Низамня на перс. яз. с введ. на лат., изд. Франциском Ердманом, проф. Казанского унта. - СА 1828, ч. 35, № 9.

Central Asia, 1967 - *Central Asia: A Century oE Russian Rule.* Ed. by Edward Allworth. N.Y.-L., 1967.

Gillard, 1977 - *Gillard D.* The Struggle for Asia: 1828-1914. A Study in British and Russian Imperialism. L., 1977.

Hopkins A. G. Back to the Future: from National History to Imperial History / Past and Present. Oxford, 1999. № 164.

Jelavich, 1964 - *Jelavich B.* A Century oE Russian Foreign Policy: 1814-1914.

Philadelphia-N.Y., 1964.

Lobanov-Rostovsky, 1933 - Russia and Asia. N.Y., 1933.

The New Cultural History. Berkeley, 1989.

Prousis, 1994 - *Prousis Th.C.* Russian Society and the Greek Revolution. Northern Illinois University press, 1994.

Puryear, 1931 - England, Russia and the Straits Question: 1844-1856. Berkeley, 1931.

Quested, 1968 - *Quested R.K.* The Expansion of Russia in East Asia: 1857-1860.

Kuala Lumpur-Singapore, 1968.

Rawlinson, 1875 - England and Russia in the East: a Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. Sir Henry Rawlinson, L., 1875.

Russia Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917. Ed. By: Daniel R. Browne and Edward J. Lazzerini. Indiana University Press. Bloomington, 1997.

Said, 1978 - *Said Ed.W.* Orientalism. L.-Henley, 1978.

1802 г., д. 2. О посольстве в Бухарию поручика Гавердовского.

1816 г., д. 1. О посольстве генерал-лейтенанта Ермолова в Персию.